

"Телохранитель для мессии (Трилогия)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Юлия Морозова

Телохранитель для мессии

Мы попали в сей мир, как в силочек – воробей,

Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.

В эту круглую клетку, где нету дверей,

Мы попали с тобой не по воле своей.

Омар Хайям

Глава 1

Он был ошеломляюще красив и бесподобен. Формы безупречны, линии совершенны, стиль продуман. Во рту пересохло, стоило мне увидеть предмет своих моральных терзаний. При взгляде на него вспоминалась Древняя Греция с ее поклонением красоте. Своим присутствием он освещал строгое помещение, насмехаясь над нелепым официозом. Его облик вызывал трепет и восхищение. Я не осмеливалась приблизиться к нему из опасения не сдержать своих пылких чувств и...

– Лия, прекратите гипнотизировать выпечку! – раздраженно бросил заглянувший в приемную шеф. – Где договор с «Натисом» на подряд?

Лия – это я. Аурелия, если быть точной. Мое полное имя в переводе с латинского означает «золотая». Специально узнавала, чтобы иметь достоверные данные, за что именно страдаю. Выяснилось, что оригинальное имечко кроме меня гордо носили некое беспозвоночное и корабельная смазка. В детстве с именем пришлось изрядно помучиться (что я плохого своим родителям сделала?!). Разнообразных кличек хватало. Рейка и Рельса не прижились исключительно по причине моей упитанности. К пятому классу, когда я пошла в новую школу, назрела настоятельная необходимость имя укоротить. Лия – простенько и со вкусом. Мне нравится.

В этом просторном помещении – жертве евроремонта – я, сидя за столом на видном месте, добросовестно тружусь офис-менеджером. Моя должность представляет собой противоестественную смесь секретаря, завхоза и инспектора отдела кадров. Суровый мужчина с кустистыми, сердитыми бровями и взглядом древнеегипетского надсмотрщика за рабами, настойчиво требующий от меня ответа, – наш директор. Обрушев Петр Александрович. Прошу любить и жаловать.

Запрашиваемый договор находился где ему и положено: на визировании у юристов, о чем директор был заранее проинформирован. Впрочем, напоминание с моей стороны не помешало. Про бурно развивающийся склероз руководящего аппарата я тактично молчала.

«Шеф не забывает, шеф просто не засоряет свою память излишней информацией». Внутренний голос. Скабрезник, язва и сплетник. За что люблю, не знаю.

Вырвать из загребущих рук юридической службы искомую бумагу раньше чем через четыре часа – подвиг, достойный войти в анналы истории нашей фирмы. Начальство, осчастливленное этими сведениями, неопределенно хмыкнуло в раздумье, не потребовать ли от меня деяний

Геракла. Но, не выдержав взгляда моих преданных глаз, оно скрылось в недрах собственного кабинета для обдумывания мести коварным подчиненным.

- Между прочим, до конца обеденного перерыва еще целых двадцать минут! - Демонстративно высунутый язык в сторону захлопнутой двери помог мне восстановить пошатнувшееся самообладание.

Я попыталась взять себя в руки и все-таки закончить письмо подруге, но мой взгляд вместо монитора вновь притянул по-царски расположившийся посреди рабочего стола огромный кусок торта «Пьяная вишня». Еще недавно он был частью грандиозного трехкилограммового сооружения, которое принесла наш маркетолог в честь своего двадцать пятого дня рождения. Валентина юбилей отмечать не хотела, но бдительные коллеги (приложила руку, каюсь) не дали зажать праздник. Госпожа Евменова откупилась десертом, пообещав при первом удобном случае отметить событие с размахом. Зная Валю, подозреваю, что сей знаменательный момент совпадет аккурат со следующим Новым годом.

Живот отзывался на присутствие сладкого искушения низким, недовольным урчанием. Как только у некоторых бесчувственных личностей язык поворачивается называть это произведение искусства банальным словом «выпечка»?! Разве может передать невыразительное определение всю прелесть воздушных сливок, скрывающих пропитанный ликером бисквит, который одним своим видом вызывает у меня непроизвольное слюноотделение?

И почему именно сегодня мне пришло в голову сесть на диету?

Ответ заключался в чудесной черной юбке, сшитой на заказ. Эта деталь туалета входила в комплект строгого повседневного костюма, придававшего мне весьма презентабельный вид. Но вся моя представительность оказалась под угрозой. Пуговица, несмотря на все уговоры, отказывалась застегиваться, а замок - сходиться. Знатно я отъелась за зиму! Денег не было ни на покупку нового костюма, ни на посещение ателье, и я приняла судьбоносное решение о сокращении рациона.

«Это только начало, - тоскливо подумала я. - Впереди еще Восьмое марта».

Торт неммым укором простоял до конца рабочего дня, призванный воспитать во мне силу воли. Та почему-то возвращению не поддавалась. Душевные страдания достигли пика, стоило мне представить, как уборщица заглядывает в холодильник и, видя там беззащитный торт, набрасывается на него с алчным блеском в глазах...

«Не бывать этому!» - подумала я и побежала ставить чайник.

Унылые, одинаково серые пятиэтажки проносились за окном маршрутного такси номер тринадцать, одинокие прохожие безысходно месили весеннюю грязь. Весна, нагрянувшая с внезапностью налоговой проверки, совсем не красила город, который из приблизительно белого вдруг стал грязно-серым с мутными подтеками луж. Озябшие, чумазы воробы на остановках дразнили неповоротливых голубей, таская у них из-под носа крошенную жалостливыми старушками еду. Обрывки облаков в цвет талого снега засоряли небосвод.

Стоило ослабить бдительность, как свирепо набросилось запоздавшее раскаяние в содеянном. Напрасно я выбрала этот маршрут. Нужно было поехать на «четверке» через красиво украшенные центральные улицы, чтобы меня затянула предпраздничная суета, а пестрящие по обеим сторонам рекламные щиты отвлекли от невеселых мыслей. Острый приступ самоедства

не стеснялся присутствия посторонних лиц. В раздумьях о бесславном крушении моих грандиозных планов настроение из плохого превращалось в мерзопакостное. Даже верное чувство юмора, которое не раз выручало, стало мне изменять.

Это было хуже всего.

Для полноты ощущений надлежало вспомнить о грядущем дне рождения, который прибавит мне еще один год. Согласитесь, не повод для радости, если ты особа женского пола. Прошедший год не соизволил порадовать меня приятными и разнообразными событиями, чтобы пытаться его удержать. Из динамиков на смену незапоминающейся попсовой песенке в салон маршрутки хлынул требовательный голос Виктора Цоя.

«Перемен - требуют наши сердца!» - поставил он в известность пассажиров.

«Перемен - требуют наши глаза!» - не дождавшись ответной реакции от тупо уставившегося в окна люда, уточнил солист группы «Кино».

Хотелось бы. Но откуда им взяться? Переменам-то.

«Перемен! Мы ждем перемен!» - начала подпевать про себя я, покидая маршрутку и заранее зная, что от прочно засевшей в голове песни уже не избавиться.

Щедрый дождь грязных брызг из-под колес иномарки окатил меня с ног до головы и стал последней каплей в чаше терпения. Плюнув на поруганную диету, я на последние деньги отоварилась в ближайшем ларьке отвратительно калорийными продуктами и отправилась домой.

Моя дорога лежала через парк, по виду напоминавший заповедник для маньяков. Угрюмые тополя перемежались с чахлыми рябинками. Центральную дорожку осаждали заросли кустарника, разглядеть сквозь которые что-нибудь даже при полном отсутствии листвы было невозможно. Гравий настораживающе скрипел под ногами. Картина становилась еще более удручающей в спускающейся на город темноте. Редкие фонари даже не делали попыток исправить положение тусклым освещением. Но пять с половиной лет - достаточный срок, чтобы привыкнуть к чему угодно. Не доверяйте первому впечатлению. Никакого криминала, в отличие от центрального городского парка, здесь отродясь не водилось. Но некоторым его подобием наша лесопарковая зона все же могла похвастаться.

Первая достопримечательность - тихий наркоман Леша, который при ограблении очень вежливо и интеллигентно просил отдать какую-нибудь вещь. Опытные жертвы, подвергавшиеся разбойному нападению не в первый раз (к незнакомым людям он стеснялся подходить), отдавали имущество без боя. На следующий день сердобольная бабушка горемыки с многочисленными извинениями все возвращала. Обеспеченные родители, постоянно мотающиеся по загранкомандировкам, раз в год обязательно сдавали неразумное дитяtko в хорошую лечебницу. Лечение стоило дорого, но все же обходилось дешевле, чем оплата Лешиних подвигов и потраченные нервы. Правда, результатов оно не приносило.

Вторая достопримечательность - эксгибиционист, пожелавший остаться неизвестным. В зависимости от времени года на нем поверх фривольного белья были накинuty либо шубка, либо плащик по последней моде. Вот и сейчас он ненавязчиво терся невдалеке, робко выглядывая из-за пушистой елочки. Завистливый вздох вырвался из груди, когда я разглядела очередную новинку гардероба. Белое пальто, украшавшее сегодня нашего маньяка, приковало меня в прошлую субботу к витрине центрального универсама почти на час. Но чтобы его купить, на три месяца мне пришлось бы отказаться от еды, ходить на работу пешком и

задолжать значительную сумму ЖЭКу.

«Ничего. Белое полнит». Утешает.

Я приветливо помахала знакомой фигуре в белом. Вместо того чтобы вежливо ответить на приветствие, он шарханулся от меня как от чумной. Пять лет с гаком прошло, пора забыть старые обиды.

...Не совсем трезвая, вернее, совсем нетрезвая первокурсница-заочница, которую доброжелательные коллеги надоумили в своей теплой компании обмыть первую удачно сданную сессию (учебы не будет!), возвращалась проторенным путем домой. На несчастье местного криминала, это была моя первая пьянка с таким размахом. Бокал шампанского или легкого вина по праздникам не в счет.

Снег нежными хлопьями планировал сверху, задерживаясь на ресницах и шапке. Я глупо хихикала, пытаюсь стряхнуть налипшие осадки. Ноги постоянно отклонялись от курса, вместо прямой линии получался скособоченный зигзаг. Когда меня занесло на очередной вираж, навстречу выпрыгнула, гостеприимно распахнув норковую шубку, наша достопримечательность. Шуба длиной до пят, сияющая антрацитовым переливом в изменчивом лунном свете, поразила меня в самое сердце. Если бы сознание не дрыхло хмельным сном, может быть, фактор неожиданности и сыграл бы ему на руку, а так...

- Нашел чем гордиться! - презрительно фыркнула я, окидывая пренебрежительным взглядом дорогуший прикид. И обошла его с видом королевы в изгнании, величественно поправляя пальто с вылезшим и пожелтевшим от времени песцом на воротнике.

За спиной раздались сдавленный писк и обиженные всхлипы. Снег скрипел и кусты трещали под торопливо удаляющимся горе-извращенцем. Вслед ему несло мое хихиканье, быстро перешедшее в хохот, неприлично громкий в притихшем парке, - я наконец сообразила, как было воспринято мое высказывание. Но каждый понимает в меру своей испорченности. Я-то про шубу говорила! Нечего выпендриваться, тогда бы обращали внимание на другие части тела. Хотя, скажем прямо, хвастаться там нечем...

На этом приятные воспоминания заканчивались. Попало мне в тот раз! Узнала о себе много нового. Недаром один из многочисленных Бабулиных поклонников каждый раз, когда бывал у нас, спрашивал, не боится ли она порезаться бритвой, заменяющей мне язык. Мучительная бессонная ночь в обнимку с тазиком на всю жизнь отбила у меня охоту к возлияниям такого рода.

От запаха национального сорокаградусного напитка воротит до сих пор.

Парк закончился, наш двор открылся во всей красе. Кособокые качели надрывно сипели, перетягиваемые двумя пацанами. Кто-то проводил подводные раскопки в затонувшей песочнице. Из-за повышенной чумазости опознать чадо было затруднительно. Если судить по шапочке с помпоном, цвет которой с трудом определялся как красный, можно предположить, что это Олька, дочка моей одноклассницы. Но не поручусь. Большинство детей с деликатностью бульдозеров носились по лужам. После купания на остановке моему пуховику было уже ничто не страшно, поэтому я бестрепетно пересекла площадку, игнорируя безопасный обходной путь.

Баба Маша, как всегда, бдела на посту. В горячую пору возвращения народа с работы крепкая, как гриб-боровик, старушенция дежурила на лавочке возле нашего подъезда при любой погоде. Единственный раз на моей памяти ее не оказалось на месте - бесконечный сериал

бабы Маши перенесли на такое неудобное для нее время. К сожалению, любящий внук осчастливил бабушку видеомэгнитофоном, пользоваться которым она научилась на удивление быстро. И теперь только ураган мог согнать с насиженного места бдительную бабульку. Но в отсутствие столь неблагоприятных погодных условий проверить эту версию еще никому не удалось. В погожие деньки к посиделкам присоединялись многочисленные старики и старушки из окрестных подъездов. Тесным кружком они перемывали кости проходящим мимо соседям. Те не имели альтернативы в виде черного хода, которым очень хотелось воспользоваться при взгляде на эту честную компанию.

Безнаказанно проскользнуть в подъезд, скороговоркой пробормотав «здрaсте», не получилось.

- Когда замуж пойдешь, Лийка? Годики, поди, не убавляются, - завела свою обычную песню «ум, честь и совесть» нашего двора.

- Как только - так сразу, баб Маша. Некогда мне.

- Что сказала бы Лидия Ивановна, мир праху ее, если бы знала, что внучка ее до сих пор в девках ходит?

Оставив без ответа заявление бабы Маши, я начала восхождение на пятый этаж, раздумывая над ее словами. Вот кто бы точно слова против не сказал, так это Бабуля. Она всегда уважала чужое мнение, даже если оно было диаметрально противоположно ее собственному. Этой осенью ее не стало, и моя жизнь с тех пор была подобна сыру, из которого нахальные мыши выгрызли громадные куски.

Я сирота. Родителей, которые не вылезали из археологических экспедиций, совсем не помню. С двух месяцев я, как цыганка с табором, кочевала от одной бабушки к другой. Даже сейчас, когда смотрю на фото в рамке, мне трудно представить, что такие похожие, коротковолосые, улыбающиеся мужчина и женщина - мои мама и папа. Когда они погибли во время очередной экспедиции, это мало затронуло пятилетнюю меня, разве что наконец-то появилось постоянное место проживания. В Гималаях был сход ледника, тела так и не обнаружили. Тогда много писали об этом. Известные археологи, какая потеря для науки и так далее и тому подобное. Обычный газетный треп. Статьи еще где-то сохранились.

Несмотря на эти задокументированные факты, по нашему двору гуляло, не без деятельного содействия бабы Маши, три версии моего сиротства. По первой мой отец обесчестил мою мать и скрылся, а та не выдержала позора и преставилась при родах. Вторая туманно намекала на мое интернатское происхождение. И, наконец, третья основывалась на том, что Бабуля отобрала меня у пропащей (пила, курила, была неразборчива в связях) племянницы, которая отбывает в данный момент свой второй тюремный срок за разбойное нападение.

Эти слухи плодились на благодатной почве. Лидия Ивановна была бездетной теткой моей мамы, и гостила я у нее практически с пеленок. Родственники со стороны отца не горели желанием взваливать на себя тяжкое бремя. И она, не побоявшись трудностей, оставила у себя внучку покойной сестры. Бабулей я ее называю просто по привычке.

Покойная принадлежала безвозвратно ушедшей эпохе, обладала своеобразным чувством юмора и стилем. Мне она часто снится такой, какой была при жизни: всегда элегантно одета (халаты в цветочек ею никогда не признавались), в зубах мундштук с сигаретой «Полет», на голове - безупречно уложенная прическа (в последние годы, когда у Бабули совсем стало плохо с руками, артрит замучил, это была моя святая обязанность). В наследство от нее мне достались двухкомнатная хрущевка и многочисленные знакомства с людьми старшего

пенсионного возраста. В Бабулиной комнате все осталось как было при ней, начиная от аккуратно заправленной кровати и заканчивая старыми фотографиями в потерто-коричневых рамках на комод. Особенно часто я приходила туда в первое время после похорон, чтобы окунуться в атмосферу ее незримого присутствия. Приходилось тяжело, но сейчас ничего, пообвыкла. Остались только сны с ее участием. Грустные. Забавные. Разные. Но всегда тревожащие.

...Мягкое кресло с регулирующейся спинкой и овал иллюминатора, радующий взор каким-то морским пейзажем с высоты птичьего полета, не компенсируют неприятных ощущений в «заложенных» ушах. Желудок в холодеющем животе отказывается реагировать на ловающий воздушные ямы самолет столь же быстрым движением. Ко мне наклоняется предупредительная стюардесса в идеально сидящей униформе. На передвижном столике одиноко томится пузатая рюмка коньяку.

- На посошок? - весело предлагает бортпроводница.

Я перевожу взгляд с едва покачивающейся жидкости благородного коричневого цвета на девушку и от неожиданности просыпаюсь.

Это Бабуля...

Трезвон моего старенького, раздолбанного телефона был слышен еще на лестничной площадке. Запыхавшись, я успела в последний момент схватить трубку надрывающегося аппарата и умудрилась повалить при этом все что было возможно в тесной прихожей. К моему огорчению, звонил не постоянный заказчик, жаждавший вручить мне на перепечатку свой диссертационный труд, а ближайшая подружка Наташка. Она находилась в декрете, а поэтому вожделела новостей с нашей общей работы. Пришлось подробно отчитаться перед испытывающей информационный голод Натальей. Ей были преподнесены свежайшие сплетни, полученные из надежных рук Лизки, младшего бухгалтера, обладающей сверхъестественным нюхом на намечающиеся романы.

Новости у меня быстро закончились, поэтому дальше намолчавшаяся за день подруга уже говорила сама, исполняя радиопостановку на злободневную тему «Я и моя свекровь» и довольствуясь моими ответными редкими «угу», «не может быть!», «да что ты говоришь!». Трубка, прижатая к уху плечом, не мешала мне заниматься текущими домашними делами, радиус которых ограничивался длиной провода. Поваленные вещи возвращались на законные места, пуховику придавался первозданный вид (хотя бы такой, как утром). К тому времени как подруга выдохлась (всего-то через полчаса), куртка уже была отчищена.

Повесив трубку и еще раз вздохнув об отсутствии дополнительного приработка, а значит, и денежных вливаний в мой бюджет, я проследовала на кухню. Плакала моя диета.

«Второй день на диете самый легкий, потому что мало кто выдерживает первый». Мой случай.

Я рассовала покупки по шкафам, и на столе остался только пакет с разомлевыми по недосмотру пельменями. Кран чихнул, недовольно побурчал, но тоненькой водной струйкой все-таки одарил.

- Горячее сырым не бывает, - философски изрекла я, бросая в кипящую воду ком слипшегося мяса и теста.

Давно доказано, что готовка не моя стихия, - на кухне всегда царила Бабуля. После ее смерти

я предпочитала обходиться полуфабрикатами, которые не требовали сложного священнодействия.

Как-то на заре трудовой деятельности по случаю празднования Дня строителя мной была принесена вольная вариация на тему салата «Цезарь». Наш директор снимал пробу со всех блюд, бесовски пользуясь своим служебным положением. Отведав ложку моего угощения, он отдышался кое-как, от продолжительного кашля на глазах выступили непрошенные слезы. Этот страстный любитель острой кухни, в другое время радостно хрустевший кайенскими перчиками, категорично сказал, что всему должен быть предел. До конца гулянки салат украшал своей нетронутостью стремительно пустеющий стол. С того памятного случая на все корпоративные мероприятия я просто скидываюсь на спиртное.

Зато кофе варю потрясающий.

Ритуал просмотра девятичасовых новостей не добавил хорошего настроения. Серьезный дяденька в костюме-тройке доводил до моего сведения, сверяясь с лежащей перед ним бумажкой, информацию следующего содержания. Террористы опять где-то что-то взорвали, за что власти грозилась страшно отомстить, если кого найдут. У многострадального Владивостока снова перебои с электроэнергией. Братья-славяне конфликтовали с народными избранниками, настойчиво у тех интересуясь, какой именно народ их избрал. Америка не могла остаться равнодушной к Ближнему Востоку. Рубль медленно сползал вниз, несмотря на все усилия Центробанка. После продолжительной рекламной паузы большую часть экрана заняла дородная, жизнерадостная физиономия спортивного комментатора, которая радостно сообщила, что сборная по футболу продула с разгромным счетом, сборная по волейболу – тоже, а теннисист Кафельников не смог выступить из-за травмы. За спортом пришла очередь погоды. Красавица в практически невидимой юбке (чтобы никто не усомнился в длине ее ног), ослепительно улыбаясь, тыкала в экран позади себя, озвучивая гадания Гидрометеоцентра.

Все как всегда...

Я выключила телевизор, пока жить не опротивело совсем, тем более что моего внимания ждал ранее взятый на дом заказ. Бодрое клацанье клавиатуры сопровождалось орущей за стеной музыкой. К счастью, пятнадцатилетняя соседка не отличалась экстремальностью музыкальных вкусов. За три года ее полового созревания я уже привыкла и обращала внимание на надрывающийся магнитофон не больше чем на мерное урчание холодильника. Последний удар по клавише совпал с наступлением тишины у соседей. «Оксанку спать погнали», – подсказал мой трехлетний опыт.

- Пожалуй, достаточно. – Я с хрустом потянулась и взглянула на часы в углу монитора. Они показывали первый час ночи.

Компьютер натужно кряхтел, пытаюсь сохранить данные. На экран выпрыгнуло окошко с издевательским сообщением об ошибке, доводя до моего сведения, что половина работы пошла псу под хвост.

- Чтоб тебя! – Не хватало еще разреветься и назавтра щеголять опухшим лицом.

От греха подальше я решила лечь спать.

На толстенную книгу о мальчике-волшебнике сил уже не хватило. Ни моральных, ни физических.

- Аурелия, - Бабуля тихонько трясла меня за плечо, - вставай, девочка. Тебе пора.

Глаза распахнулись и незряче уставились в темноту спящей комнаты. Сон был настолько реален, что я очнулась. Странно. Очень странно. Я сплю крепко. Нет, не так - я сплю очень крепко, и разбудить меня трудно. Успешно, а главное - быстро с этой задачей справлялся лишь немецкий будильник, отхваченный Бабулей еще до войны. В его нутре рождалось достойное оповестить о конце света дребезжание - настолько громкое, что его было слышно у соседей. Те даже не заводили свой будильник, полностью доверяя побудку моему чудовищу.

Окутывающая меня темень не была уж столь непроглядна. Подозрительные вспышки и треск вырывались из-под двери Бабулиной комнаты.

«Проводку закоротило!» - сверкнула мысль, озаряя темноту еще спящего мозга.

За несколько секунд в голове пронеслось все увиденное когда-либо о жертвах пожаров. Погорельцем быть жутко не хотелось: халупа какая-никакая, а другой нет и не светит. Несообразное тело устремилось в соседнюю комнату, откуда доносились шумы и нахально сверкало, с намерением отстоять родную жилплощадь. Зря, конечно. В смысле хотя бы халатик накинула. Как гласит народная мудрость, знала бы, где упасть, соломки подстелила бы. Дверной проем втянул вяло сопротивляющееся тело с силой всасывающей турбины. Глаза трусливо зажмурились перед бездной слепящего света. Появилось скверное ощущение, как будто меня спеленали, заткнули рот и приложили хорошенечко по голове.

Свет.

Льдисто обжигающий, болезненный до удовольствия. Он мчится через слепоту к прозрению. Свивается в спираль воронки, вбирающую мироздание. Острой кромкой слепящего лезвия отсекает лишнее. Взрывается мириадами звезд.

А позади та, без которой нет Света. В терпеливом ожидании. Заботливо окутывающая. Она многозначительно молчит, баюкая Миры в своих объятиях.

Тьма...

Ой!

Глава 2

Очень мерзли ноги, лишенные утепляющего покрова. Опять одеяло с дивана сбросила. Сонно потянувшись за ним, я почувствовала, как моя правая рука по локоть утонула в холодной воде. Одновременно пришло осознание того, что поверхности подо мной далеко до удобства дивана. Тело подбросило вверх, голова завертелась, пытаюсь обозреть окружающий ландшафт. Меня окружала пасторального вида картина. Звенящий ручеек, неправдоподобно зелененькая для нашей местности центра химического производства травка, стройные деревья в пушистых шапках крон - не пейзаж, а прямо мультяшечка про Белоснежку! Не хватает только умильно выглядящих зайчиков, белочек, бурундучков и других не проявляющих склонность к людоедству зверюшек. Жаль, роль сказочной принцессы не мое амплуа, мне всегда был ближе типаж «своя в доску». Да и костюм подкачал! Почему я не сплю в пижаме - хоть какая-то одежонка?!

Стра-а-ашно как! Ноги подкосились. Упав на четвереньки, я лихорадочно заползала по поляне

в поисках непонятно чего.

Черт, черт, черт... ЧЕРТ!!!

- А-а-а!!! – Громогласный, до рези в ушах, крик, поддержанный звонким эхом, распугал, наверное, всех промышлявших в окрестностях хищников. Птицы шумно снялись с верхушек обступавших меня кленов. Дыхание быстро кончилось, и при попытке повторить вой на бис из горла раздалось только хрипкое карканье.

Очень не хватало хорошей каменной стены, чтобы вволю побиться головой. Попробовала о землю – не понравилось. Больно. Покаркав еще некоторое время, голос, напоследок булькнув в горле, пропал совсем. Зато вернулась способность соображать. Стресс сняли, теперь можно и подумать.

«Зачем орала? Нет чтобы сначала поискать чем прикрыться!» От неожиданности. А укрыться все равно нечем – лопухи и те не растут.

Кричать вообще-то в такой красоте было как-то неудобно, прямо-таки неприлично. Кроме того, больно противный звук у меня получился. Никогда бы не подумала, что умею так орать.

Где же это я? Может, лежу сейчас в палате интенсивной терапии, после грандиозного пожара, с ожогами третьей степени, накачанная лекарствами, и брежу? Даже представила себе, как баба Маша дает интервью журналистам криминальной хроники: «Такая хорошая с виду девушка была, кто ж знал, что она смолит как паровоз, да еще и пьет. Чего? Откедова я это знаю? А какой трезвый человек с сигаретой в постели уснет?» Бр-р, ну и картинка.

Ущипнула себя – больно. В середине лба начала расти набитая на нервной почве шишка, натруженное горло болело, содранные колени саднило. Трава колола кожу, от ледяных брызг замерзли ноги. Очень даже реальный бред.

Всему происходящему можно было придумать несколько объяснений. Одно другого краше.

Версия на затравку: мой «любимый» руководитель что-то не поделил со своей «крышей», меня взяли в заложницы, держали под действием наркотиков, пока я случайно не сбежала. В этой версии зияли огромные прорехи. Вряд ли директор расщедрился на мой выкуп. Во-первых, красть нужно Вальку Евменову (даже приходящая уборщица знала об их с шефом нежных отношениях), а не меня. А во-вторых, наша бухгалтерия быстренько представит расчет, что дешевле нового работника нанять.

Менее правдоподобное истолкование: похищение меня, любимой, инопланетянами для сохранения своей исчезающей популяции. Счастливую мать пары-тройки десятков симпатичных гуманоидов высадили на первой же технической остановке летающей тарелки. У этой версии тоже имелись свои недочеты. При развитых инопланетных технологиях потратить на размножение больше месяца и не обеспечить меня симпатичным серебристым костюмчиком? Безобразие.

Как третий вариант в голове закрубилось что-то о параллельных мирах и подобном мракобесии, благо фантастики в свое время я начиталась немерено. По крайней мере, об этом думать намного приятнее, чем, например, о том, что мой адрес теперь – областная психиатрическая больница, отделение для буйно помешанных, палата номер шесть.

«Хотела приключений – получите, распишитесь».

Вот ехидна. Правду-матку режет, сволочь. Ведь именно я совсем недавно заявляла: хочу перемен. Дохотелась. Как там у классика? Бойтесь ваших желаний, они имеют нехорошее обыкновение сбываться на свое усмотрение.

Судя по положению солнца, полдень еще не наступил. Звуков близкого человеческого жилья – как то: говорливое радио, рык тракторов, собачий лай и петушиное кукареканье – слышно не было. И не уйдешь отсюда в таком виде. Если только поблизости нет нудистского пляжа, куда есть смысл прогуляться в костюме Евы... ну почти в костюме Евы, потому что на мне трусы. Но просто так стоять на одном месте – глупо. Можно попробовать изобразить жертву ограбления по инструкции сказки «Кот в сапогах». Согласно первоисточнику, надлежало залезть в воду по шею и поджидать проезжающую мимо особу королевской крови, чтобы пожаловаться на горькую судьбинушку и на обнаглевших разбойников, лишивших последнего.

«Фотоаппарат импортный – две штуки. Пиджак замшевый – тоже два. Все, что нажито непосильным трудом, все ж пропало». Ну что-то в этом роде...

Для пробы опущенный в воду палец посинел до онемения. Если бы я увлекалась ледяными обливаниями, ходила в общество «моржей», в крайнем случае практиковала обтирания снегом, этот способ мне, несомненно, пригодился бы. К сожалению, ничем подобным не занималась. К тому же мелко до безобразия – ни один здравомыслящий человек не поверит, что здесь кому-то захочется искупаться. Разве только ноги помыть. Но раздеваться догола для этого совсем не обязательно.

Ну и чушь мне в голову полезла! Это все шок...

Других свежих идей пока не было. Оставалось попить бережок, молясь, чтобы снизошло озарение. Конечно, стоять столбом необязательно, при желании можно и присесть. Поплакать над водой, что ли, подобно Аленушке с картины Васнецова? Чтобы скучно не было.

Ручей пересекал поляну по краю, появляясь и исчезая в глубине таинственного леса. Деревья с вполне понятной ревностью обступали свободное от них пространство со всех сторон, пряча сокровище непролазными зарослями сирени. Красота будет здесь теплым деньком в конце мая, когда все вокруг расцветает белыми, сиреневыми, розовыми и фиолетовыми соцветиями, распространяющими вокруг пьянящий аромат, вдыхая который хочется сойти с ума. Но это, наверное, где-то через месяц, а сейчас солнце, несмотря на все свое старание, не могло раскошегариться до путающего мысли пекла. Обнаглевшие насекомые не мешали приятному времяпрепровождению на природе, а птичьи разговоры с вплетающимся перезвоном ручья разбавляли дремотную лесную тишину.

Неожиданно вся романтика весеннего леса была нарушена не самым приятным звуком. Вопль обиженного жизнью, обманутого в своих лучших чувствах осла заставил замолчать болтливых птах. Мы могли бы спеть с ним дуэтом. Кто там издевается над бедным животным? Звук повторился уже ближе, заставив вздрогнуть меня всем телом и настороженно сжаться. Для замученного он что-то слишком быстро бегаёт. Я не спешила вскакивать. Руки сами собой крепко сцепились в замок вокруг смятенно подобранных к подбородку коленей.

Потревоженные заросли протестующе трещали. На поляне вместо ожидаемого осла появилась на белоснежном коне необыкновенно красивая девушка. Беспрониженный вариант – «сказочная принцесса» убойной силы. Длинные, ниже пояса, белокурые волосы, обрамляя нежный овал лица, скручивались мягкими локонами на концах. Большие ярко-голубые глаза немного не дотягивали до предела мечтаний художников анимэ. Платье под цвет глаз надето на фигуру фарфоровой статуэтки. Темно-голубой плащ скрепляла крупная золотая застежка в

виде лиса, изгибающегося за своим хвостом. Даже в мою абсолютно гетеросексуальную голову начали закрадываться мыслишки нетрадиционного толка. Хорошо, что они там не задержались... Она слегка перестаралась с образом: белый конь в комплекте ко всему остальному – уже тривиально. Слишком красива, чтобы быть человеком.

«Завидуешь?» Есть немного.

Сейчас на нее исподлобья, обхватив замерзшие ноги, смотрел оживший комплекс неполноценности. Я, наивная, полагала себя симпатичной! Но, увидев это недостижимое совершенство, оставалось утопиться в близлежащем водоеме. И тут не повезло. Мелко.

«Без комментариев». Будем жить.

Ожившая коллекционная кукла Барби соскользнула с банальной лошади и подбежала к ручью. Холеными, унизированными кольцами пальчиками она приподняла подол и изящно опустилась передо мной на колени. Бурная жестикуляция и явно иностранные слова в ее исполнении не вызвали во мне видимой ответной реакции. Это огорчило девушку и ввергло в задумчивость. Ненадолго. Она вернулась к лошади и извлекла из седельной сумки платиновый кубок, чью резную ножку оплетала тоненькая золотая змейка. Зеленью полыхнули на солнце изумруды, синевой замерцали сапфиры, кровью поманили рубины. В драгоценных камнях я не разбираюсь, но эти не походили на бутафорию. Ключевая вода наполнила высокий кубок до краев. Загадочный шепот сорвался с красивых губ. Голубые глаза приценились к сидящей на холодной земле фигуре.

Пить не буду, пусть не надеется. Мало ли кто тут ноги мыл!

Кубок вопреки ожиданиям просто опрокинулся мне на голову. Вода, прокатившись по телу ледяными дорожками, вырвала из горла надрывный сип. Зубы громко застучали, меня заколотило крупной дрожью. Окружающее на мгновение потеряло четкость, расплываясь кровавым маревом, которое погасила синяя волна, позволяя проступить нежной зелени.

«Сволочь!» – сказал мой вновь обретший ясность взгляд мучительнице.

Злодейка усовестилась и пожаловала плащ с королевского плеча. Я отказываться не стала, поднялась с земли и блаженно закуталась в мягкий бархат. Голова кружилась, слегка поташнивало. Ноги мерзли, смешно выглядывая из-под плаща, так как я была на полголовы выше девушки и крупнее в кости. Может быть, удастся под шумок стрясти с раскаявшейся красавицы еще что-нибудь? Обувь, например?

- Сэр Лассен! – громко позвала девушка, поломав мои корыстные планы.

По сирени, которой не украсить теперь своим цветением конец мая, проехался целый отряд рыцарей. Тесновато. Они хотя бы по очереди сюда заезжали, а не всем скопом. Без труда угадывалось достойное похвалы желание охраны найти и обезвредить того, кто заставил волноваться их госпожу. Правильно, от сильных эмоций, говорят, морщины образуются...

Если что-то случалось в нашей организации, крайним обычно оказывался офис-менеджер, как самый молодой, а значит, неопытный работник коллектива, и никакие оправдания перед распаленным шефом не помогали.

«Шеф не орет, шеф доходчиво излагает свою точку зрения». Глухой да услышит...

Потом, конечно, извинялись, задабривали премией, но суть от этого не менялась. Я с

мстительным удовольствием мечтала, как займу должность экономиста и какая-нибудь бедняга сменит меня на посту официальной девочки для битья.

Так что реальный повод для беспокойства у меня, как у стрелочника со стажем, имелся. В довершение всего девушка была неспособна на связную речь. Что удивительно, отдельные слова, вычлняемые из ее сбивчивого монолога, прекрасно опознавались, но доходили до сознания с некоторым запозданием. Особой предрасположенности к изучению языков за мной не водилось (иначе я бы украшала собой приемную совместного американо-российского предприятия, где заправлял внук близкой Бабулиной подруги). Этот феномен я отнесла на счет недавнего помутнения рассудка. Целебная водичка.

- Наконец-то!.. Мы столько... Уже!.. - восклицала она, щедро пересыпая фразы междометиями.

Смысл ее речи оказался тайной не только для меня, но и для всего отряда, так как понимания на их лицах не прослеживалось. Девушка отозвала в сторонку приземистого мужчину с окладистой бородкой, по всему видно старшего. Дело происходило рядом, поэтому мне, в отличие от других членов отряда, их беседа была прекрасно слышна. Невменяемая барышня лопотала что-то о том, что я вроде бы избранная, посланная свыше им на помощь, их надежда, предсказанная то ли в летописях, то ли в хрониках.

Врет и не краснеет! Имя спросила бы, прежде чем Надеждой обзывать. Свою кандидатуру на выборы в Думу, или что тут у них еще, не выставляла, и не собираюсь. А у хроник-летописей пусть год издания сверит - мало ли какие накладки случаются. Или здесь заповедник либо место какое особое, на котором достаточно просто постоять, чтобы вас автоматически причислили к лику святых?

И не возразишь ничего. Не опротестиуешь. Голос отказывался возвращаться в надорванное криком горло.

Зверское выражение на суровом лице рыцаря неохотно уступало место удивленному недоверию. Я заинтересовалась, какие доводы в пользу своей версии будет приводить эта девица, но она неожиданно замолчала. Видимо, посчитала, что ей поверят на слово. Удивительно, но ее собеседник смолчал и не стал спорить. То ли поверил, то ли сделал вид. Практика показала, с особо опасными сумасшедшими лучше не спорить. Обернувшись к остальным, он не стал делиться полученной информацией, а начал скупно отдавать распоряжения. Двое из них спешили. Один помог взобраться на коня принцессе, как я ее про себя окрестила, а другой направился ко мне.

Покидать поляну совершенно не хотелось, но моим мнением по данному вопросу забыли поинтересоваться. Кроме того, численное превосходство противника действовало угнетающе. Меня аккуратно посадили на лошадь перед каким-то рыцарем. Конская шея оказалась крайне неудобной для сидения, особенно боком. Я испуганно вцепилась в попутчика. У молодого человека были широкие плечи, мощный торс (по крайней мере, я на это надеялась - доспех скрывал их напрочь) и симпатичная ямочка на подбородке. Каштановые с легкой рыжиной волосы, подстриженные под облагороженный вариант прически «горшок», легонько шевелил непоседа ветер. Симпатичный. Но чурбан чурбаном! Мог хотя бы прижать покрепче - вдруг упаду? Вместо этого он сидел в седле, как будто предварительно позавтракал колом, - спина неестественно выпрямлена. Малиновые уши просвечивали сквозь волосы.

Отношения с мужским полом у меня никогда не складывались. Единственный поклонник, исправно таскавший за мной портфель еще со школы, стойко выдерживал нападки острого

Бабулиного язычка ровно три года, после чего позорно ретировался.

Не последнюю роль в моей судьбе сыграла пишущая машинка «Ятрань» с западающими клавишами «М» и «Ю», доставшаяся нам в наследство от переехавших соседей. Печатать я научилась, наверное, раньше, чем писать, вследствие чего сказать о моем почерке «как курица лапой» значит сделать тому незаслуженный комплимент. Бабуля со свойственной ей рациональностью заявила, что больше не будет терзать уши грохотом каретки бесплатно, и нашла мне первый заказ. Где первый, там и второй, и третий – набор текста стал приносить ощутимый доход нашей маленькой семье. И когда другие девчонки бегали на свидания, я бодро отстукивала заказы, не переводившиеся благодаря Бабулиным знакомствам.

При поступлении в университет я осознанно предпочла заочную форму обучения и начала работать почти сразу же после зачисления. Давнишний Бабулин поклонник пристроил меня в крошечную фирму, которая за неполные шесть лет значительно выросла. Моя персона была на хорошем счету, начальство ждало только защиты мной диплома и ухода на пенсию экономиста, чтобы продвинуть меня по карьерной лестнице, а это уже совсем другой уровень зарплаты. Место переехавшей в чулан «Ятрани» занял старенький компьютер, весьма облегчивший мне жизнь. Казалось, вот-вот – и все наладится...

Как показало время, мне это действительно мерещилось.

Полтора года назад Бабуля неожиданно заболела. Постоянные мотания в больницу, катастрофическая нехватка денег на дорогие лекарства, лихорадочные поиски хоть какой-нибудь подработки, постоянные опоздания везде и всюду и непроходящая усталость. Урвать бы время на здоровый сон, стараясь не поддаваться панике перед грядущим государственным экзаменом, надвигающимся с неотвратимостью айсберга на «Титаник». В довершение всех бед похороны оставили меня без копейки. В наше циничное время, когда дешевле жить, чем умереть, траты оказались непосильными для моего бюджета. Ко всему прочему, я была гордая и дура, поэтому последний долг отдала только в феврале.

«И при чем здесь мужчины?» Они-то как раз оказались в моей жизни «не у дел». С мужчинами я предпочитала дружить – это существенно сэкономило время, деньги и нервы.

Оторвавшись от столь безрадостных мыслей, я заинтересовалась пейзажем. Мы уже успели довольно далеко отъехать от места моей высадки в этом мире. Ландшафт радовал все той же пасторальностью. Ничего особенного там не происходило, поэтому меня начал занимать вопрос некомфортности такого вида транспорта, как лошадь.

«Как бы не получить защемление нерва», – тут же забеспокоилась я.

«Седалищного у тебя или шейного у лошади?» – бодренько откликнулся мой внутренний голос.

Язва. Я уже говорила?

Хлестко ответить мне помешал появившийся на горизонте замок. Это сооружение было трудно пропустить – благодаря своему внушительному виду он беззастенчиво завладевал всеобщим вниманием. Ехать до крепости пришлось долго, хотя казалось, что до нее рукой подать. В комплект к замку прилагались ров и подъемный мост.

Неподготовленные уши заложило: рыцарь, лошадь которого топтала землю справа, трижды протрубил в рог. Вот и нашелся потерянный осел-страдалец. Честно сознаюсь, не так я себе представляла чистые звуки охотничьего рога...

Мост, опустившись без единого скрипа, с негромким постуком мягко лег в предложенные выемки. Ворота гостеприимно распахнулись. Молодой человек, любезно подбросивший меня к этой постройке, без малейшего усилия избавил своего коня от моего брэнного тела, а затем спешил сам. Радостное облегчение при избавлении от моей особы читалось большими буквами на благородном лице рыцаря. Принцессе тоже помогли сойти с лошади, но совсем с другими чувствами. Она осторожно взяла меня за руку и повела в крепость, а мужчины остались за воротами.

«Так им и надо», – мстительно подумала я.

К моему удивлению, на воротах стояли одетые во что-то наподобие доспехов молодые девушки. «Ага, женский монастырь, – догадалась я, – вот почему мужиков не пустили. И скорее всего, не просто монастырь, а какой-то воинствующий Орден, не зря же девчонок вон как обрядили».

«Молодец, возьми с полки пирожок». Он у меня еще и зануда.

В крепости шла бурная деятельность. На площадке справа от замка тренировалась группа примерно из пятнадцати девушек, точнее не успела сосчитать. Они лупили и валяли в пыли друг друга почем зря. Туда-сюда сновали женщины самых разных возрастов, одетые в широкие темно-синие одеяния. Идущие навстречу монахини почтительно кланялись моей спутнице, еще раз подтверждая мои догадки о высоком происхождении девушки. Она явно была здесь не впервые и целеустремленно шла куда-то в глубь замка.

Внутри оказалось гораздо уютнее, чем можно было подумать. Цивилизованнее, что ли. Странно, помещения равномерно освещались неярким белым светом, исходящим прямо от потолка, покрытого каким-то составом. С физикой мы не были закадычными подружками, поэтому внятного объяснения я припомнить не смогла. В голову почему-то нахально лез фосфор. Коридор резко свернул и неожиданно оборвался в огромной светлой зале. Каменный пол разнообразили блики от огромных витражей, на которых были изображены безусловно героические деяния некоего типа. Козлиная бородка, оригинальная прическа, которой мог бы гордиться уважающий себя дикобраз, и внушающий трепет шнобель. Всю эту красоту упаковали в синий камзол с роскошным малиновым воротником и колготки нежно-салатового цвета. Боже, кто у несчастного в стилистах?! Руки бы ему отрубить. По локоть. Чтоб другим неповадно было.

Широкая лестница в конце залы привела нас на второй этаж. Верхняя галерея подавляла обилием дверей. Двери, двери, всюду двери. И как тут не заблудиться?! Коридор свернул и неожиданно закончился в холле с одной-единственной дверью. Массивная, резная, необычная – на ней отдыхал примелькавшийся однообразием взгляд. Принцесса, всю дорогу хранившая молчание, постучала и смиренно попросила разрешения войти. Позволение было дано, и мы вошли.

Кабинет тонул в полутонах, довольно жмурясь темно-синими портьерами. Солидная мебель из темного дерева создавала атмосферу основательности и непреходящего величия. Низкие, удобные кресла возле потухшего камина, забытые книгами шкафы, хрустальный шар на треноге. Массивный секретер завалили свитки, неровной стопкой громоздились книги. На чуть отставленном от стола высоком стуле восседала женщина, с головы до ног упрятанная в белоснежное одеяние. Солнечные лучи, проникая в небольшой зазор между шторами, создавали вокруг ее фигуры сияющий ореол, одновременно пряча в тени лицо.

Было трудно ошибиться со статусом хозяйки кабинета – мать-настоятельница монастыря с простой монашенкой не перепутать.

Приветственный кивок достался моей спутнице, а цепкий, оценивающий взгляд – мне.

– Подойдите ближе, – негромким, мягким голосом повелела она. – Провидение на сей раз нас не обмануло, дитя?

– Это она, матушка. – Удовлетворение от хорошо выполненного долга пропитывало каждый звук. – Как и было предсказано, появилась на поляне у священного ручья, где святой Конхол явил чудо воскрешения, в третий день полнолуния, нагая, как младенец, со странным амулетом на шее.

Скептическое хмыканье настоятельницы не поддержало энтузиазма принцессы.

Я заглянула под плащ в поисках неведомого таинственного амулета. На шее вопреки ожиданиям одиноко болтался только мой крестик. Крестик как крестик. Пора восстановить историческую справедливость.

– А вот и нет, – встряла я хриплым голосом, – на мне еще трусы были. Собственно, они и сейчас на мне.

Стул, неожиданно попросивший не просиживать ему сидушку, произвел бы меньший фурор. А что, я должна притворяться глухонемой? Размечтались. И так долго молчала. Хорошенького помаленьку.

– Ты можешь разговаривать? – после недолгого замешательства взвилась девушка.

– А то! – И насмешливо уточнила: – Еще могу считать, писать и вышивать крестиком.

– Почему же ты за всю дорогу не сказала ни слова? – Принцесса проигнорировала мою не слишком удачную шутку.

– Голоса не было. Спасибо воспаление легких не схлопотала после ваших обливаний, – огрызнулась я. – Может быть, кто-нибудь разъяснит, где я нахожусь и что, собственно, происходит?

Сидящая за столом женщина продолжала невозмутимо молчать.

Вопрос спровоцировал новую паузу в беседе. Меня же все начинало раздражать: устала чрезвычайно, от ледяного каменного пола ступни потеряли чувствительность. Решив, что дожидаться разъяснений лучше сидя, я забралась с ногами в одно из двух кресел.

– Отрадно видеть, что дюжина полнолуний не зря потрачены на заговор понимания, – наконец вымолвила настоятельница. – Впрочем, на ожидание Избранной времени потрачено много больше.

– Это меня, что ли? – опешила я.

– Тебя. – Ее голос окрасился теплом улыбки. – Нашей надежды.

– И на что же вы надеетесь?

– Что все будет хорошо, – уклончиво ответила мать-настоятельница. – С божьей и с твоей помощью.

Перспектива меня не прельстила.

- С удовольствием бы вам помогла, но, знаете ли, мне домой пора, - попыталась отпереться я от великой чести. - У меня работа... квартира без присмотра... до защиты дипломной работы всего ничего. Вы себе другую Избранную найдете. Наверняка их у священного ручья без дела толпы слоняются. Честное слово, просто вы меня первой встретили!

Кристалльно честный взгляд, оказывающий благотворное влияние на директора, почему-то не помог. Молчание затягивалось.

- На что меня избрали-то? - обреченно спросила я.

- Ты должна охранять Спасителя.

Приехали. Кем-кем, а телохранителем мне еще быть не приходилось. Честно признаюсь, физкультура никогда не была моим любимым предметом - отлынивала от нее по мере возможности. Лыжи так просто ненавидела. Память до сих пор хранит ужасные воспоминания. В те дни, когда в расписании стояли уроки физической подготовки, к бремени ранца с пудовыми книжками и сменной обуви добавлялись пакет с одеждой, лыжи и палки, соскальзывающие при каждом удобном и неудобном случае. О эти красно-синие деревянные монстры, превращавшие мое утро в картину «Бурлаки на Волге»!

Хм-м... Палата номер шесть кроме меня заждалась еще парочки пациентов. Поэтому я осторожно, чтобы не разозлить этих помешанных, сказала:

- Боюсь, я не гожусь в телохранители: физическая подготовка не та, знаний маловато - обращение не по адресу. Тут нужен мужик шкафообразных размеров, а не девушка с высшим образованием и пристрастием к сидячему образу жизни.

- Тебя научат, - снизошла до объяснения принцесса.

Оно мне надо?

- А что я со всего этого буду иметь? - Очень закономерный вопрос.

- То есть? - По-идиотски вытарашенные глаза не идут даже таким совершенным красавицам, как эта.

- Оплата труда, премиальные за риск, доплата за вредность, условия страхования, социальные льготы, отчисления в пенсионный фонд, ежегодный отпуск, - начала перечислять я, загибая пальцы. Работа с кадровыми документами давала себя знать, позволяя привычным вещам отсрочить притаившуюся за внешним спокойствием панику.

- Быть Избранной - это честь... - Девушке не хватило слов и дыхания, чтобы закончить предложение.

Неужели?

- Тогда сама и охраняй своего Спасителя. Почет тебе и слава! А также божья помощь в таком нелегком, но нужном деле!

В ее лице не осталось ни кровинки, красивый рот перекосило в бессильном гневе, холеные пальцы вцепились в дорогую ткань. Представляю, насколько сильно сейчас у нее желание расцарапать мою наглуемую физиономию. От бывшего радостного воодушевления не осталось и следа.

- Велисса, выйди, - не допускающим возражений голосом приказала настоятельница.

Прекрасное лицо разгладилось, судорожная хватка ослабла, отпуская неповинное платье. Передо мной снова оказалась идеальная героиня романтических сказок, о спонтанной вспышке гнева предательски свидетельствовала только смятая материя. Девушка молча развернулась и покинула комнату, аккуратно закрыв дверь, как будто та была из стекла.

Настоятельница величественно поднялась и вышла из-за стола. Казалось, она не шла, а плыла над полом, не утруждая себя прозаической поступью. Широкое одеяние подыгрывало этой иллюзии, окутывая фигуру белоснежным облаком. Стоящее напротив кресло приняло женщину как трон королеву. Блекло-голубые глаза внимательно ощупывали меня с головы до ног, не упуская ни единой детали. Я в долгу не осталась, получив наконец возможность оценить собеседницу. Открытыми у нее оставались только лицо и кисти, все остальное запряжено под форменное одеяние. Руки по-мужски крепкие, не изнеженные покоем и бездельем. Морщин немного, да и те следствие подвижной мимики, а не времени. Но она была стара. Очень. Готова поспорить на месячный оклад, что волосы под головным убором блеее ее одеяния.

«И зло не чурается белых одежд...» Не думаю, что цитата к месту, но тетка действительно непростая.

- Как тебя зовут? - неожиданно спросила она.

- Лия. - По привычке я не стала представляться полным именем.

- Лия... - задумчиво протянула собеседница. - Что ты хочешь, Лия?

- Не знаю, - честно ответила я. - А что вы можете предложить?

Грустная, немного презрительная улыбка изогнула тонкие губы, не тронув блеклых глаз. Она будто другого ответа и не ожидала.

- Богатство. Титул. Положение при дворе.

- Что я буду с этим делать, интересно? - насмешливо отказалась я от предложенных благ. - Все, вами перечисленное, быстро отбирают, обычно вместе с жизнью. Нет, благодарю, я не самоубийца.

Улыбка настоятельницы потеплела, взгляд смягчился.

- Силу. Магию. Знание, - веско сказала женщина. - Знание, как этим управлять.

- Возвращение домой?

- Никогда. - Безапелляционный тон не оставлял надежды.

Я порывисто встала, захваченная врасплох категоричностью ответа. Не соображая, что делаю, двинулась к двери, за которой скрылась Велисса. В глазах стремительно потемнело, и я впервые в жизни грохнулась в обморок.

В чувство меня привела влажная ткань, приятно холодившая лоб. Тело опять покоилось в глубоком кресле, заботливо укутанное плащом. Крепка старушка, если тягает девиц, подобных мне. Голова гудела как колокол на вечерней службе. Хорошо же я приложилась затылком о

каменный пол! Две шишки за один день – не многовато ли? Сочувствие в глазах настоятельницы спровоцировало предательские слезы, крупным горохом покотившиеся по моим щекам.

«Никогда», – страшное слово. Если все это правда, щедрое предложение стоило рассмотрения. Вряд ли здесь востребованы офис-менеджеры с незаконченным высшим образованием. Избранная так Избранная. Как там сказала настоятельница? Мне дадут Силу и Знание, как ею воспользоваться? А пользоваться я буду на свое личное усмотрение и для своей личной пользы. И тогда кто знает...

«Никогда не говори „никогда“. Вот именно!

Мягкая ткань плаща отлично сошла за носовой платок, и я шумно в нее высморкалась. В отсутствие альтернативы решила согласиться. Тогда это казалось единственно правильным решением. Удар головой сделал свое черное дело...

- Хорошо, – медленно выговорила я. – Что нужно делать?

Оказалось, для вступления в должность требовался определенный ритуал – Пробуждение Силы. Технологию процедуры я не поняла. Может быть, потому, что мне так «доходчиво» объяснили, а возможно, потому, что в магии я разбираюсь как свинья в апельсинах.

Матушка решила ковать железо, пока горячо, и назначила ритуал на завтра, с утра, по холодку. Мои робкие намеки на долгое ритуальное очищение мать-настоятельница отменяла решительно и бесповоротно, приводя неоспоримые аргументы – положение Луны и магические циклы. Ответить достойно я не могла – голова после всего произошедшего соображала туго, поэтому пришлось согласиться с предложенной датой.

На том и порешили.

Тогда я еще не знала, что в безвыходное положение бесплатен только вход, а за выход придется заплатить. И немало...

Глава 3

Предоставленная мне комната оказалась очень симпатичной, но, к сожалению, без окон. Тем не менее затхлости подвала не было, а чувствовался приток свежего воздуха откуда-то сверху. Стены занавешены светло-бежевыми гобеленами в веселый узорчик, на полу тканый половик чуть потемнее. На неширокой, застеленной колючим пледом кровати дожидались своего часа ночная рубашка и полотенце. Судя по тому, что на низком деревянном столике, окруженном тремя пуфами, стояли только глиняный кувшин и стакан, а еды не наблюдалось, мини-пост мне все-таки решили устроить. В углу небольшого шкафа на вешалке сиротливо скучало темно-синее одеяние. В качестве светильника – шар размером с крупный апельсин. Он притулился на жердочке под потолком и давал не раздражающий глаза свет.

Сюда меня после окончания разговора с настоятельницей проводила алона Дорина, приятная полная женщина лет пятидесяти. Она мило пожелала мне приятного отдыха и заперла входную дверь на засов.

Будто мне было куда бежать...

После непродолжительных поисков в келье нашлась небольшая ванная комната. Из гигиенических удобств – каменная ванна и отверстие в полу, прикрытое плотно подогнанной

крышкой. На стене висело небольшое зеркало в красивой раме в виде виноградной лозы.

«Практически современная сантехника!» Кому и каменный век – современность... Но это не тот случай, чтобы придирааться.

Кинув на один из пуфов надоевший плащ и подхватив с кровати полотенце и рубашку, я вернулась в ванную. Без проблем разобралась с системой кранов и назначением разнообразных бутылочек. Ванна наполнялась с хорошей скоростью. Мой взгляд упал на отражение в настенном зеркале и придиричиво там задержался.

Глаза большие, цвет не определить – то ли серый, то ли зеленый, в зависимости от настроения. Нос прямой, брови черные «домиком», губы смешливые, подбородок, что называется, упрямый. Очень коротко стриженные волосы (чтобы не мучиться с укладкой), которым, согласно носимому мной имени, надлежало быть золотыми, в крайнем случае светло-русыми, темнели пепельным. Уши не торчат, грудь есть (посмотреть приятно), ноги ровные, длины более чем достаточной. Телу не мешало бы избавиться от балласта лишних килограммов, накопленных презрением к физической нагрузке и злоупотреблением калорийными продуктами. В целом ничего, но до безупречности Велиссы – как на собачьей упряжке до экватора.

Титулом девушку, кстати, я наделила не зря. Королевская кровь плескалась в ее жилах – в прабабках числилась чистокровная принцесса. Но сама она всего-навсего герцогиня.

Крепость, в которой мы находились, называлась Конхол – в честь святого (тот тип с козлиной бородкой на витражах), который пал смертью храбрых в этих краях. Я не совсем поняла, почему Орден женский – то ли он спасал молодых девушек от замужества за нелюбимыми, то ли жен от постылых мужей. Каким способом он это делал, не объяснялось, но у меня имелись смутные подозрения на этот счет. По-моему, у художника они тоже были, если принять во внимание масляные глазки святого на изображении. Сам же замок находился в одной из центральных провинций обширной империи Тилан.

Эти ценные сведения мне удалось выяснить уже к концу беседы с матерью-настоятельницей. Я спросила обо всем напрямую. И получила такие же прямые ответы. Более или менее. Но когда своими настырными вопросами я переступила грань, меня тут же осадили:

– Хватит вопросов, дитя мое. Тебе пора отдохнуть. – Матушка на секунду прикрыла глаза. – Алона Дорина проводит тебя.

Как только она это сказала, на меня навалилась отступившая на время разговора усталость. Идея об отдыхе показалась просто замечательной. Было жаль покидать удобное, нагретое кресло, опять вставать на холодный пол, но за мной уже пришли... И привели сюда.

Блаженство в ванне не затянулось, в теплой, расслабляющей воде глаза неотвратимо закрывались. Экспериментальным путем выяснилось, что кровать как раз такая, как я люблю: в меру мягкая, но не проваливающаяся. Непривычно было засыпать с включенным светом. Убавить бы... Откликаясь на эту мысль, предусмотрительный светильник приглушил свое свечение до интимного полумрака. Я думала, что масса новых впечатлений не позволит мне всю ночь смежить веки, заставляя размышлять о предстоящем ритуале. Но как только я очутилась в постели, сработала усталость, накопленная за долгий, волнующий день. Уснула мгновенно, спала крепко и сладко, без всяких сновидений. Знала бы, что меня ожидает, глаз бы не сомкнула.

Подняли в несусветную рань. Так как моего чудовищного будильника у алоны Дорины не

случилось, побудка далась ей нелегко. Из-под одеяла вылезать не хотелось, но женщина была очень убедительна. Поэтому пришлось вставать, надевать синюю рясу, залезать в тапочки и сонно двигаться на выход. В монастыре, несмотря на ранний час, уже вовсю бурлила жизнь. В длинных коридорах навстречу мне постоянно попадались монахини, с самым занятым видом идущие куда-то по своим монашеским делам.

Ладно, меня подняли в такую рань ради ритуала, а им-то чего не спится?

В оконных проемах, встречающихся по дороге, небо едва серело. Яркие звезды медленно тускнели, предвещая отличную погоду. Запутанные переходы привели в затхлое подвальное помещение. На стенах из грубо обработанного камня чадили закрепленные в железных кольцах факелы. Дым от них все равно не смог перебить стойкий запах давно не посещаемого склепа. Холод змеей стелился по земляному полу, обвивая ноги. Каждый из камней подвальных стен украшали таинственные знаки, начертанные субстанцией, подозрительно напоминающей засохшую кровь. На полу была скрупулезно вырисована гексаграмма. Мой трудовой энтузиазм и интерес к новой работе убывали в геометрической прогрессии с каждой проведенной здесь минутой.

Несколько человек столпились в противоположном от дверного проема углу. Мое появление в дверях приостановило обсуждение, и все головы повернулись в мою сторону. Фигуры и лица скрывали просторные черные одеяния с капюшонами, и было непонятно, мужчины это или женщины. Мороз подирал при взгляде в бездонные провалы капюшонов.

«Как в кино про сатанистов». А то сама не знаю.

- Проходи-проходи, девочка, - подозрительно ласково позвала третья фигура справа голосом матери-настоятельницы.

Я, застряв в дверном проеме, инстинктивно подалась назад. Пришлось собрать все силы, чтобы не кинуться, противно вереща, вон из помещения, а просто тихо пятиться. Слишком все происходящее походило на жертвоприношение. Что-то мне расхотелось в Избранные...

- Лия. - В голосе женщины зазвучал металл.

Ноги сами перешагнули порог. Желание сопротивляться меня покинуло. Я позволила себя раздеть и уложить в середину гексаграммы, нарисованной прямо на ледяной земле. Сложенным на груди рукам не хватало традиционной свечки. От холода, страха и волнения меня колотило мелкой дрожью, мерный стук зубов задавал ритм колебаниям тела. Напряжение достигло пика, отзываясь глухим гудением стен и подрагиванием пола. Фигуры - их оказалось ровно двенадцать - завершили бурные прения в углу и стали занимать свои места на лучах звезды.

«Что-то они не слишком торопятся, я тут совсем к полу примерзну. Мало того, так еще можно заработать кучу малопривлекательных болезней, начиная с цистита. Лечи их потом, тратя на лекарства с трудом заработанные гонорары», - вяло и как-то отстраненно крутилось в голове.

Последней мысли не дали развиваться во всей красе - ритуал начался.

Гул двенадцати голосов отозвался болью в барабанных перепонках, трансформируясь в звук, не слышимый уху, но ощущаемый каждой молекулой тела. Мышцы оледенели, потеряв всякую способность к сокращению. До боли распахнутые глаза с ужасом наблюдали за облаком алого тумана, который, быстро потемнев до цвета только начинающей свертываться крови, принял форму моего тела. Надо мной плыла я сама, обретавшаяся в сгустке плотного багряного

марева. Эта жуткая «я» улыбнулась хищной, плотоядной улыбкой и рухнула вниз, ловя меня в смертельные объятия.

И тут пришла она – Боль, которая была настолько сильной, что в первое мгновение ее невозможно почувствовать. Но лишь вначале. Затем все на секунду отстраненные ощущения налетели в полной мере. Казалось, меня выворачивали наизнанку, сдирали кожу, отрывали по кускам мясо, вынимали внутренности и дробили кости. А я даже не могла кричать – не было ни рта, ни легких. Не было ничего. Только боль. Боль и кроваво-красные всполохи. Все, что было мной, пульсировало: Боль-боль-Боль-боль... Смерть казалась величайшим благом. Ритуал продолжался часами, днями, годами или веками: меня окружало безвременье.

В какой-то момент я провалилась в непроглядную тьму.

«Наверное, это и есть смерть. Наконец-то». Это была последняя успокаивающая мысль, перед тем как сознание трусливо дало деру.

Темнота. Не черная. Багряная. Нежная. Теплая, как парное молоко. И столь же непроглядная. Напитывающая душу, как кровь, сочащаяся из раны, приложенную к ней ткань. Душная до безоглядного, безотчетного Ужаса.

- Пробудись! – повелели в ней.

Неровности и шероховатости потолка прихотливо складывались в материки, омываемые океанами. Здесь нашлись и Америка, и Австралия, с большим натягом можно было узнать даже Евразию. После пробуждения я добросовестно изучила эту импровизированную карту, прежде чем отважилась чуть-чуть повернуть голову. Помещение было мне незнакомо. Комната размером примерно двадцать на двадцать шагов не поражала своим убранством: ничем не прикрытые каменные стены, узкие окна-бойницы, сквозь которые нехотя проникал солнечный свет. Из мебели – жесткая кровать, на которой лежало мое неподвижное тело, и стол с большим количеством ящичков самых разнообразных размеров. Это все, что можно было увидеть с моего неудобного ложа.

Не подвал, и ладно.

Больше я на ритуалы, при участии в коих понимаешь насущную необходимость эвтаназии, не ходок!

Некоторое время я лежала не двигаясь, опасаясь возвращения кошмарной боли. Воспоминание о ней сковывало тело ужасом. Но недвижно валяться быстро прискучило, поэтому я с большой опаской попробовала пошевелить конечностями. Мышцы слушались неохотно, но боли не было. Не почувствовав дискомфорта, я рискнула сползти с кровати.

Из одежды мне опять ничего не досталось. Соорудив из коричневого покрывала вольную вариацию римской тоги, я безотлагательно занялась осмотром помещения. Исследование решила начать с самого интересного – со стола. Честно говоря, обозреть, кроме него, нечего. Он был доверху набит разнообразными скляночками, чашами, пузырьками и бутылочками с чем-то очень любопытным. На мгновение мне даже показалось, что я знаю чем. От этого захватывающего занятия меня отвлек скрип открывающейся двери.

- С пробуждением, дитя мое, – поприветствовал до оскомины знакомый голос. – Рада видеть, что ты уже на ногах.

В руках у меня находилась ни в чем не повинная колбочка, она-то и пострадала: разбилась об пол, срикошетив от невидимой стены, окружавшей настоятельную.

- Могли хотя бы предупредить, сказать, что будет так ужасно! - Я просто кричала.

«Хорошо, на пороссячий визг не переходишь». Мой верный друг и товарищ внутренний голос. Что бы я без него делала?

- Зачем? - Искреннее удивление окрасило ее голос. - Ты впала бы в панику, и нам не удалось бы добиться столь впечатляющих результатов.

Вторая колбочка, и на этот раз не пустая, пошла в дело. Густое ярко-розовое вещество радостно плюхалось внутри. Не пролетев и половины расстояния, разделявшего меня и настоятельную, она с тихим хлопком исчезла.

- Каких?! Я ничего такого особенного не ощущаю. Где Сила и Знание, которые мне пообещали? - Обиды в моем голосе хватило бы, чтобы пронять камень. Но мать-настоятельница была из материала покрепче.

- На все воля божья. - Ответчица в показном смирении потупила глаза. - Если ему будет угодно...

- ЕСЛИ?! - Мой возмущенный вопль услышали, наверное, за пределами крепости.

- Прояви терпение. Все придет в нужный момент, - ответила она, пряча улыбку. - Ты же не думала, что такая Сила и такое Знание достаются даром?

Уши вероломно заалели. Именно так я и рассуждала.

- То, что достается даром, ничего не стоит. - Матушка посерьезнела. - Запомни это, девочка.

Перефразированная пословица про сыр в мышеловке если и не остудила мой гнев лучше всяких оправданий, то перевела его в скрытую форму. В кои веки хотела схалюпать, а не получилось. Бутылка из темного стекла аккуратно опустилась обратно на свое место.

Матушка смотрела на меня с усталой улыбкой.

- Знаешь, как меня зовут, Лия?

- Астела, - не задумываясь, ответила я.

Она развела руками:

- Цена заплачена не зря. Тебе подвластна любая магия. Только представь, любая. Даже Некромантия.

«Рада?» Очень. Всегда мечтала покойников поднимать.

- Мы поделились с тобой этим, пробудили к жизни, - продолжила мать Астела. - Из тех, кто принимал участие в ритуале, четверо не могут подняться с постели, один пребывает в забытьи до сих пор. Жертвы не напрасны: мы дали миру надежду.

«Ну разумеется, чужая жертва во имя мира никогда не бывает непомерной».

Я подавленно опустилась на кровать. Торжественность ее речи произвела на меня угнетающее впечатление. Взгляд упал на собственные руки. Неужели в моем теле заключена теперь огромная Сила? Мать-настоятельница, аккуратно подобрав рясу, присела рядом. Сухая, теплая ладонь утешающе погладила мою вихрастую голову.

- У тебя все получится. - Она выделяла каждое слово. - Пробудить Силу я помогу, но, для того чтобы тело вспомнило боевые навыки, придется пожить жизнью алоний, самых молодых дочерей Ордена. Через полгода ты станешь безупречна и будешь готова предстать пред Императором.

- Через полгода? - машинально переспросила я, думая о том, зачем Императору моя безупречность и не придется ли мне охранять кровать у него в спальне.

- Кто-то тратит всю жизнь на то, что ты получишь за жалкие полгода. - Голос настоятельница оторвал меня от картин кровожадной расправы.

Было в голосе и в выражении глаз матери-настоятельница нечто такое... пугающее, отчего я поторопилась сменить тему:

- Когда меня переведут в мою комнату? Кровать жесткая, удобств никаких...

Мать-настоятельница подарила мне всепрощающую улыбку воспитательницы в заведении для детей, отстающих в умственном развитии.

- Сразу, как только аалона Ренита с тобой закончит. Сейчас я ее пришлю.

Она ушла, а спустя несколько минут появилась вышеупомянутая аалона. Сказать, что женщина была большой, значит не сказать ничего. Огромная - вот верное слово - руки молотобойца, косая сажень в плечах, бюст как два арбуза, выспевших под щедрым краснодарским солнцем. Ей только санитаркой в психиатрической лечебнице работать - успокаивать буйных больных. Я с ужасом подумала, что же это она со мной такое должна сделать.

Если опять всякая боль - я пас.

Потянув за руку, она поставила меня на ноги. Ее маленькая голова качнулась в откровенном осуждении.

- Запустила ты себя, девочка. - Голос должен был принадлежать томной, ослепительной красавице, а не этой женщине-горе, до того он был нежен и бархатист.

Она медленно обошла меня, придирчивым взглядом окидывая фронт работы. Что той непечатый край, без труда угадывалось по выражению озабоченности на лице монахини. Закончив осмотр, женщина все же ободряюще улыбнулась:

- Мы все приведем в порядок.

- Будет больно? - задала я наводящий вопрос.

Ее смех пушистым мехом ласкал слух:

- Ничуть.

И понеслось. Из стола, как из ящика Пандоры, извлекались сосуды с самым разнообразным

содержимым. С каждой открытой крышкой атмосфера в комнате изменялась, напиваясь ароматами косметических составов. Некоторые имели приятный цветочный запах, но большинство воняли настолько отвратительно, что на глаза наворачивались непрошенные слезы. Меня мазали кремами, скребли щетками, поливали микстурами, маслами, вытяжками и настоями, втирали эликсиры, посыпали порошками. Тело бросало то в жар, то в холод – в зависимости от используемой субстанции.

Самое ужасное было припасено напоследок. Аалона со священным трепетом достала сосуд в виде запаянной сферы. Внутри прозрачного шара, странно колыхающегося из стороны в сторону, находилось вещество цвета грязной зелени, которое очень уж напоминало выделения великана, страдающего хроническим насморком. Оболочка легонько прогибалась под пальцами, отчего сопливая пакость влажно хлюпала. Осторожно женщина вознесла сосуд над моей головой и, едва приоткрыв губы, нежно выдохнула, одновременно убирая руки. Ничем не сдерживаемая слизь смачно шлепнулась мне на макушку. Монахиня быстро размазала ее лопаткой по волосам. Через несколько секунд вещество затвердело, неприятно стянув кожу головы и волосы. Кожа тут же начала зудеть.

– Это что еще за дрянь? – спросила я, царапая выносливую корку в безуспешных попытках почесаться.

Аалона Ренита с ужасом уставилась на меня.

– Неблагодарное создание! – возмутилась она. – Это же вытяжка из мозга черного дракона. Тысяча тиланов за унцию!

Меня сразу заинтересовал вопрос, сколько граммов в унции и соответственно сколько тысяч местной валюты намазано у меня на голове. А какой был дракон – черный или серый в крапочку, – фиолетово. Особенности тутошной фауны, несмотря на ритуал, пока оставались для меня тайной, покрытой мраком. Но аалона осталась глуха к моим оправданиям.

– Такая необразованность, – без конца повторяла она, – недостойна Избранной.

То, что я приступила к обязанностям чуть больше суток назад, ее не волновало.

Раздраженно фыркая, женщина напялила на меня синий балахон и, видимо не в состоянии находиться в одном помещении с такой невеждой, отволокла за руку в мою келью.

– День не мыться! – с суровым лицом приказала она, прежде чем дверь с громким стуком захлопнулась у меня перед носом, скрыв за собой рассерженную монахиню.

В комнате за время моего отсутствия ничего не изменилось, но она стала восприниматься мной совсем по-другому. Веселенький узорчик на гобеленах оказался оберегающими и останавливающими рунами. В половики были вплетены связывающие заклятия. Все эти достойные самого пристального внимания вещи прошли по краю сознания, потому как меня занимало сейчас совершенно другое. Мне просто необходимо было зеркало: полюбоваться на свою несравненную красоту, разумеется проявившуюся после всех усилий аалоны.

Бесстрастная зеркальная поверхность правдиво отобразила существо в зеленом мотоциклетном шлеме над распухшей красной физиономией. Нос от усиленных чисток сливой алел в середине того, что когда-то было симпатичным лицом. Глаза слезились и понуро смотрели на мир через оставленные им щелочки. По всему телу поползли какие-то подозрительные пятна, похожие на лишай.

Ну навели красоту!

«Можешь за свою девичью честь теперь не беспокоиться». Я и раньше-то за нее не переживала. Одно радуется: теперь точно в спальню охранять не позовут.

В крайнем расстройстве я покинула ванную и коварное зеркало. На столе большой кипой лежали не замеченные мной в шоковом состоянии книги. Их не увидеть – это надо было постараться: полметра в поперечнике, в ладонь толщиной, кожаный переплет с отделкой. Пытаясь отвлечься, я с трудом стащила верхнюю книгу (тяжелая, зараза!) и открыла на первой странице. Текст читался легко, если не заострять внимание на отдельных рунах, тщательно выведенных чернилами на тонком пергаменте. Для интереса сосчитала их, пролистав книгу до конца. Числом рун оказалось как букв в английском алфавите, а на вид – помесь арабской вязи с греческими загогулинами. Жалко, не догадались принести мне бумагу и карандаш, чтобы можно было попрактиковаться в написании. Разобравшись в местной азбуке, я углубилась в книгу.

Определить, сколько времени прошло, в помещении, где нет окон, было невозможно. Светильник давал одинаково ровный свет, чтение под веселый аккомпанемент бурчания пустого желудка помогало часам проходить быстрее. Я рассеянно перебирала находящиеся на столе книги, беря то одну, то другую для более детального ознакомления. Некоторые разрисовали картинками сомнительного художественного качества. Не сказать что содержание тоже было особо увлекательным. Так, дела давно минувших дней. Один маг вызвал другого на дуэль из-за спора по поводу того, кто автор чудотворного эликсира, увеличивающего мужскую силу... Ученик мага соблазнил юную монахиню, за что был лишен колдовской силы и доживал свой век простым деревенским знахарем... И тому подобное. Право, наша желтая пресса и то интереснее кропает! А жизнеописание выдающихся личностей – кто так пишет?! Засыпаешь уже на второй странице: автор даже самое захватывающее приключение превращал в нуднейшее чтиво.

Непонятно как, но среди всего этого вульгарно-нарядного хлама затесалась тоненькая книжица в таком потрепанном переплете, что его первоначальный цвет даже не угадывался. Произведение, принадлежащее перу благородного сэра Тэмаса Лейма, радовало изяществом изложения и ненавязчивым юмором.

Прелюбопытная история об одном оригинальном волшебнике завладела моим вниманием надолго. Главный герой повествования на старости лет вдруг решил, что, пока он корпел над изучением магических фолиантов, жизнь прошла мимо. Нигде не был, ничего не видел. Путешествовать своим ходом в преклонном возрасте – весьма затруднительно, прибегать к Башням телепортации – не по карману (да и боязно!), Стихийная магия – не по способностям (ревматизм еще при левитации разыграется!), а хотелось страсть как. Не пропадать же в неизвестности, пока кто-то в мире славу да деньгу сшибает! Находчивый старичок, Мастер Вещественной магии, в припадке озарения смастерил колечко – Ключ, Отворяющий Путь. Но скорее всего, по причине преклонных лет и слабеющей памяти, он что-то напутал при создании. Вопреки чаяниям вместо прохода между исходной точкой А и конечной точкой Б кольцо открывало дверь между мирами.

Эта пикантная подробность, выяснившаяся только на испытаниях, существенно сократила количество учеников мага, коих ушлый старичок посылал вперед себя. Ни один из них не вернулся и не послал о себе даже весточки: мол, все путем и кормят здесь неплохо. После того как «добровольцы» закончились, маг Адеус Ша Корзак, а именно так звали этого деда, с сожалением отказался от походов в другие миры, отговорившись возрастом. Но охота к

перемене мест его не покинула. Не откладывая в долгий ящик, он собрался в турне. Мир посмотреть, себя показать, а заодно и заработать денежек на черный день кое-какой прикладной магией (так, амулеты всякие, зелья – совсем поиздержался с тратами на исследования да прокорм учеников-обормотов!). За каким бесом его понесло к неранкам, местному варианту амазонок, осталось загадкой как для меня, так и для автора книги. Возможно, решил втридорога толкнуть просроченный любовный эликсир. Последнее утверждение – мои бессовестные домыслы, а не факты, изложенные сэром Тэмасом. Но с тех пор ни дедушки, ни Ключа никто не видел.

Занятная история. Дед вообще был презабавным. Чего только стоило происшествие с его участием в ассамблее, которую Гильдия магов проводила по провинциям с финалом в столице каждые десять лет!

«...Скоро ассамблея. Адеус Ша Корзак потеревил привычным жестом бородку и ушел в серьезные думы. Раз в десятилетие – шутка ли! Вторую сотню разменял, а сандалового посоха победителя в руках так и не подержал. Воистину надо придумать что-то этакое, ни единожды не сотворенное! Утереть нос злопыхателям, посмеивающимся за спиной! Задумчивый взгляд ненароком упал во двор: первая красавица, добродетельная Миллена, удостоила его булыжник касанием легких ножек. Маг хитро прищурился, потирая руки в восторге от собственной гениальности.

...Два месяца подготовки, ученики носились, ошалевшие и взмыленные, по всей башне, готовя реактивы. Наставник, отсутствовавший две седмицы, вернулся пешком, в камзоле с выдранными клоками, исцарапанный, как будто его драли гарпии, припадающий на левую ногу, в бороде запуталась рыба чешуя, насквозь пропахший тинной, но страшно довольный. Прижимая к груди перевязанный грязной тряпицей сверток, он поспешил в лабораторию, строго-настрога наказав его не беспокоить. Неделю ученики гадали, что учудит их наставник. Философский камень? Нет. Кольцо Стихий? Вряд ли. А может...

Но никто не ожидал появления на главной площади гордого Адеуса, держащего в руке невзрачную, жиденькую косицу. Знающие люди без труда опознали в русых с прозеленью волосах русалочьи. Корзак триумфально воздел руки, призывая зрителей к молчанию.

- Появись же, о самая прекрасная и добродетельная дочь города!

Все затаили дыхание. Даже шавки прекратили грызню за мозговую кость у дверей мясной лавки. Перед магом сгустилось молочно-белое облако.

- Здесь я, сладенький, – кокетливо прокряхтело оттуда.

...Провожаемый гоготом стражников, разбегающимися крестьянами, прыгающими от радости детьми, Адеус Ша Корзак пытался улизнуть от прихрамывающей старухи Гроньки.

- Куды ж ты, миленький?! – голосила бабка, справившая в этом году столетний юбилей. – Неужель запамятовал, как говорил, что краше меня не сыскать, хоть весь город обойди? Жениться обещал! Я-то уж постаралась, сберегла себя! – несло ему вслед.

...Да, удивить ассамблею ему удалось – когда стихли гогот и свист и разъяренного изобретателя «гения чистой красоты» удалось нейтрализовать, ему присудили премию за самый оригинальный магический артефакт! Корзак плевался, орал, что вызывает всех и каждого из хохмачей на поединок. Но Совет Верховных Мастеров флегматично заявил, что запрещает дуэли по причине невозможности присудить победу какой-либо из кучек пепла дуэлянтов...»

В открытую дверь протиснулась алона Дорина, держа в руках поднос с моим ужином. Я немедленно потеряла интерес ко всяким сказочным историям и их героям, про себя отмечая, что голод телесный всегда возьмет верх над голодом духовным.

Глава 4

- Современная теория классификации магии насчитывает двенадцать видов, - диктовала мать Астела. - Двенадцать. Лия, ты успеваешь записывать?

Матушка размеренно прохаживалась по комнате, заложив руки за спину. Полы белоснежного одеяния развевались в такт шагам. Получив от меня утвердительный кивок, она продолжила измываться над моей скорописью.

- Более ранние учения предлагали дробление на три группы, что в принципе неверно, так как дифференцирование происходило по условно-номинальным признакам. Кроме того, ранее существовало деление на два класса - вербальный и невербальный. Некоторые придерживаются этой ошибочной теории до сих пор. Этот признак хорош как вспомогательный. В качестве других признаков используются также материальный и соматический, но они не являются основополагающими. Это скорее вторичное группирование по способу исполнения. Так, например, Рунная, Песенная, Стихотворная и аналогичные магии в чистом виде практически не используются. Они очень трудоемки, требуют большего времени откатовки и особой точности в соблюдении всех тонкостей ритуала. Как правило, применяется смешанный метод, включающий в себя несколько или все приемы. Итак, перечислим все двенадцать видов. Изменяющая. Стихийная. Вещественная. Некромантия. Очарования. Живых Разумных Существ. Живых Существ, Не Обладающих Разумом. Магических Существ. Пространственная. Иллюзий. Исцеляющая. Предсказывающая. Все они взаимосвязаны. По взаимодействию между собой могут быть индифферентны, взаимоисключаемы или взаимодополняемы. Маг выбирает профилирующую школу (в Академии при Гильдии магов их ровно по количеству видов) согласно Дару. Он может воспользоваться заклятиями другой школы, Сила которой не находится в оппозиции к его собственной. Но вершин мастерства возможно достигнуть исключительно в одной разновидности. Магов-универсалов немного. Тех, кому доступны заклинания высшего порядка, - единицы. Бесконтрольно все Силы подвластны только богам или...

Тут она сделала многозначительную паузу, чтобы я оценила, как мне повезло. Я осознала, но не впечатлилась этими голословными заявлениями.

- Каждый вид имеет от двух до пяти подгрупп. - Лекция продолжилась. - К примеру, Стихийная, как легко догадаться, делится на магии Огня, Воды, Земли и Воздуха. Предсказывающая - на магии Пророчеств и Вероятностей. - Мать Астела задумчиво поглаживала литой серебряный браслет, покрытый гравировкой. - Все виды будут рассмотрены в соответствующих темах. Мы изучим постулаты, запишем основные теоремы, аксиомы и определения. Вопросы?

Последних был вагон и маленькая тележка. Я открыла рот, дабы начать последовательно высказывать их вслух. Но голос куда-то пропал. Горло пыталось издать хоть какие-нибудь звуки, но безуспешно.

- Вот и хорошо. - Настоятельница удовлетворенно улыбнулась. - Продолжим...

До меня наконец-то с трудом, но дошло, кто приложил руку к моей временной немоте. Мать-настоятельница не уважала длительных дискуссий на своих занятиях. Как она объяснила

потом: «Времени мало, а вычитываемого материала много».

- Новая тема. Изменяющая магия: сущность и принципы формирования. Положительные и отрицательные стороны, особенности применения...

Мои занятия до боли напомнили мне установочные сессии в институте, которые, казалось, после успешно сданного государственного экзамена навсегда остались в прошлом. Тот же напряженный график и желание вылить на бедную голову студента в нереальный срок кошмарное количество информации, чтобы в свое время попытаться ее оттуда извлечь. Как говорится, работу преподавателя можно сравнить со святой инквизицией: сначала проповеди, проповеди... а потом пытки и казни.

Развлекательной литературы, как в первый день моего почти месячного заточения, больше не приносили. Фолианты с заклинаниями в невероятном количестве громоздились по всей комнате, угрожая в скором времени превратить ее в склад макулатуры. От зубодробительных и языколомательных фраз сводило челюсти. Но изучение теории, как оказалось, было не самым сложным. Трудности начались при попытке применить полученные знания на практике.

- Лия, соберись, - уже не требовала, а слезно вымаливала мать Астела. - Это просто, если как следует сосредоточиться.

Сконцентрироваться я старалась уже четвертые сутки. Пока с нулевым результатом. Сила отказывалась сосредоточиться в одной точке и достигнуть нужной концентрации, необходимой для инициации заклинания. Как я ее понимала! Просидела бы Астела безвылазно три с лишним недели в помещении без окон, не видя солнечного света, а после проверили бы ее собранность!

- Представь, - в сотый раз объясняла она, - магия разлита в каждой частичке твоего тела. Тебе нужно только собрать ее в одном месте. Найди его и стяни туда всю Силу.

Я честно попыталась это сделать. Поискала необходимую точку по всем частям своего тела, даже в самых неподходящих для этого местах. Поиски опять оказались неудачными, отчего мои плечи недоуменно приподнялись и опустились. Этот жест положил конец терпению матери-настоятельницы.

- Бестолочь! - не выдержала она. - Послал же Единый такую... Избранную на мою голову. Столько Силы в нее вложено, а она даже не может ее сосредоточить!

Опыт бесчисленных вспышек гнева директора позволил мне достойно выдержать эту неприятную сцену.

- Вы точно в меня ее запихнули? - ехидно уточнила я. - Не промахнулись?

Мать Астела резко остановилась, взгляд блеклых глаз замер на мне. Лицо расслабилось, гневно нахмуренные брови утратили свой трагический излом. Я поняла, что она приняла для себя какое-то решение, примирившее ее с провалом.

- У тебя достаточно знаний, чтобы самой в этом разобраться. - Она премемерно улыбнулась и вышла из комнаты.

Так бесславно закончилось мое обучение с матерью Ордена.

На следующий день под чутким руководством алоны Рениты был смыт шлем, украшавший мою голову. Серо-зеленая гадость на волосах не теряла времени даром, сторицей окупая те муки, которые мне пришлось пережить по ее милости за прошедшие недели. Я поначалу даже спать не могла, просыпалась от гулко-го стука, раздававшегося, стоило мне ткнуться макушкой в спинку кровати. Зато каков оказался результат! Волосы, презрев стрижку «Молодость», доходили почти до плеч. Прорастая через нанесенный слой маски, они приобретали янтарное напыление. На свету это покрытие переливалось разнообразными оттенками золота – от белого до красного.

Вот оно, мое золото, наконец-то после стольких лет повылазило!

Темно-синюю рясу пришлось сменить на костюм, виденный мной на послушницах Ордена по приезде сюда. Штаны из плотной ткани горчичного цвета, легкая хлопковая рубашка, жилет из переплетенных кожаных шнуров и удобные, мягкие сапоги пришлись впору. Короткая коса ограничила свободу отросшим волосам. Порог комнаты, ставшей мне темницей за эти недели, я переступила с нарастающим радостным нетерпением. А ведь пора было уже привыкнуть, что таинственные прогулки ни к чему приятному здесь не приводят! Тем более в компании с алоной Дориной...

На улице весна хвастливо делилась своей лучшей погодой. Нежный ветер ласково погладил щеку, заправив выбившуюся из косы прядь за ухо. Даже суровые каменные стены крепости приобрели уютно-домашний вид. Аромат цветущих яблонь, наполнявший воздух, дурманил до невменяемого состояния. Улечься бы на нагретую солнцем землю, покрытую сочной, зеленой травой! Раскинуть руки, пытаюсь обнять неохватное небо, и разглядывать дрейфующие облака, доверяя своему воображению трактовку их меняющихся очертаний.

Суровая действительность расставила все по своим местам. Вместо удобной зеленой травки – тренировочная площадка, твердости которой мог бы позавидовать городской асфальт. Сюда меня выдворили упражняться, а не наслаждаться ничегонеделанием. Только почему-то забыли об этом предупредить.

Мягкую когда-то землю многие поколения дочерей Ордена утоптали до каменного состояния. При нашем триумфальном появлении площадка сразу же опустела, освобожденная совершенствовавшимися там в искусстве ближнего боя сестрами. На меня уставились больше десяти пар любопытных глаз стоящих неподалеку девушек. Но чувства царапнуло пристальное внимание статной женщины. Ей было далеко за сорок. Крепкое тело даже и не думало сдаваться безжалостному времени, уповая на железную крепость мышц. Хозяйку предавали волосы, допустившие в свои темные ряды более трети седины.

– Голла, Ания, Мера, проверьте ее. – Женщина кивком указала на меня.

Названные отделились от группы и направились в мою сторону. Алона Дорина вероломно меня покинула, оставив в одиночестве. Не ожидая ничего дурного, я спокойно следила за приближением трех фигур. Рослые, одетые, как и я, девушки не стали разводить церемонии, а тут же начали выполнять приказание наставницы.

«Ой, больно!» – вскрикнула одна сторона моего тела.

«Еще как!» – отозвалась другая.

«А где же опора?!» – удивились ноги.

Я лежала, уткнувшись лбом в землю, не находя сил подняться. Слезы обиды и боли бороздили

пыль на моих щеках. На меня еще никто никогда не поднимал руку. Отступившие на два шага мучительницы равнодушно взирали на мои страдания. Наставница презрительно поджала губы. Это помогло мне добраться до внутреннего резерва и все-таки встать на ноги. Болезненный удар в живот уложил меня обратно на жесткую землю. Дыхание перехватило, от обиды слезы фонтаном брызнули из глаз.

Ах, значит, вот мы как?!!

Воздух загустел настолько, что стало трудно дышать. Небо потемнело до цвета свежeproлитой крови, окрасив дрейфующие облака в ярко-розовый. Ярость поднималась из глубин моего подсознания как чудовище со dna взбаламученного омута. Уродливая голова показалась над водой и плотоядно огляделась. Неосмотрительно брошенные презрительные улыбки, раздражившие чудовище, потускнели. Острый гребень рассек водную гладь: зверь рванулся вперед – сильной, гибкой, быстрой мной. Вспышки багрянца, в просветах которого мелькали чьи-то руки, ноги, слышались крики боли. Возможно, что мои. Ледяная вода, выплеснутая прямо в лицо, смыла кровавое безумие. Тяжелое, с всхлипами дыхание вырывалось из груди пополам с надрывным кашлем. Чудовище разочарованно покрутило головой и нырнуло обратно в глубины сознания, оставив меня потерянно озираться. На площадке, кроме меня, не осталось ни одной стоящей женской фигуры. Все они в живописном беспорядке валялись тут же. Мой взгляд затравленно метнулся к женщине, державшей в руках пустое ведро. Она продолжала смотреть на меня с тем же выражением легкого презрения на лице.

- Что ж, неплохо, девочка. Но техника хромает. Я не поклонница магических штучек, так что придется основательно поработать. – Аалона Валента, «вспомнила» я, наставница молодых послушниц в боевых искусствах.

Что-то маловато я про нее вспомнила.

«Ага, а тебе нужно как в „Семнадцати мгновениях весны“: аалона Валента (тиканье часов) – истинная арийка, в порочных связях не замечена и тому подобное. Размечталась». Вот ведь, сколько молчал, а тут на тебе, высказался. Кажется, пора представиться, а то, наверное, так и будут обзывать. То «дитя мое», то «девочка», а там кто его знает, до каких кличек дело дойдет.

- Меня зовут Лия, рада знакомству.

- Я на твоём месте так бы не радовалась, – не оценила моей любезности наставница. – Будем, Лия, работать, работать и еще раз работать!

«Несомненно, как завещал великий дедушка Ленин». Нет, Ильич завещал учиться. Хотя этому доброму человеку принадлежит фраза о том, что «перемена труда есть отдых». Боюсь, наставница и этим принципом не брезгует.

Ноги отказали мне в благосклонности, свалив тело недвижимым мешком на землю.

До окончания тренировки я просидела сторонним наблюдателем, подпирая стену, к которой меня под локотки оттащили две послушницы. Девицам, проверявшим меня на прочность, не повезло. Их, как и остальных, загнали обратно на площадку. Идеальная синхронность движений завораживала, сила ударов впечатляла. А смотреть на это, сидя в тенечке и вдыхая сладкий, свежий воздух, казавшийся после трех недель заточения особенно сладким и свежим, было незамутненным удовольствием. Про меня вспомнили, только когда пришло время ужина. Послушницы уже ушли, лишь одна из них задержалась, чтобы показать мне дорогу.

- Привет, меня Лэнар зовут. – Невысокая, улыбчивая девушка с карими глазами и волосами

цвета опавшей листвы протянула мне руку, чтобы помочь подняться. – Аалона Валента просила присмотреть за тобой.

– Лия. – Я хмуро приняла ее помощь. – Аалона Валента – сама внимательность, как я погляжу.

– Валента – зверь, верно. – Лэнар хихикнула и, быстро оглядевшись – не слышит ли кто, шепотом добавила: – Здорово ты девчонок! Пошвыряла как котят! Этой зануде Голле давно было пора начистить... хм... много чего. Спасибо, что проделала это за меня. Короче, будут вопросы, обращайся, постараюсь помочь.

– Спасибо за предложение. – С третьей попытки мое тело обрело устойчивость. – Не дура, отказываться не стану – ни черта в происходящем не понимаю...

– Знание не всегда есть благо. – Девушка усмехнулась. – Уж поверь той, что выбрала Предвидение. И как раз сейчас оно мне подсказывает, что если мы не поторопимся, то останемся без ужина.

Обеденная зала освещалась все тем же неярким светом, исходившим от потолка и стен. Свечение, равномерное в коридорах, тут образовывало на поверхности причудливые узоры, как будто неведомый художник, макнув кисть в светящуюся краску, разрисовал стены, как диктовала ему его безумная фантазия. Практически все помещение занимали длинные столы со скамьями. В зале уже собрались все монахини, включая мать-настоятельницу, и дожидались последних опоздавших послушниц. Мать Астела не удостоила меня ни единым взглядом, предпочитая игнорировать не оправдавшую надежд Избранную.

На столе уже стояли тарелки с дымящейся кашей, по виду овсяной. К ней прилагался весьма и весьма скромный кусочек мяса. Запивать это предлагалось местным аналогом киселя. Пучки молодого зеленого лука и петрушки по-простому накидали между тарелками. Хотя жесткие лавки без поддерживающих спинок не располагали к продолжительному сидению, занесенную над кашей ложку пришлось отложить. На свободное место перед столами для выступления вышел одетый в немаркую коричневую рясу сухонький старичок с редкой растительностью на яйцеобразной голове.

Без всякой магии Предвидения я могла напророчить, что нам предстоит прослушать занудную проповедь в исполнении монастырского священника. Ее содержание сводилось к следующему: все мы дети Единого, а магию, пищу и все остальное мы имеем лишь благодаря тому, что он соизволил нам это дать. За это присутствующим предлагалось в свою очередь славить в безмерной благодарности строгое, но справедливое божество денно и нощно. Дедок постоянно путался в словах, забывал, что он говорил, а что еще нет, поэтому некоторые куски проповеди нам «посчастливилось» прослушать несколько раз. Демонстрация прогрессирующего старческого маразма затягивалась. Мать Астела, лицезревшая подобный спектакль, наверное, не в первый и, скорее всего, не в последний раз, взяла дело в свои руки.

– Какую чудесную проповедь прочитал нам сегодня отец Ванхель! – воскликнула она, дождавшись паузы в рассуждениях старичка. – Давайте же возблагодарим Единого за пищу, кою он нам ниспослал, и приступим к трапезе.

Окружающие меня девушки приложили кончики пальцев к середине лба, облегченно произнесли: «Хвала Единому!» – и активно принялись за еду.

– Единому хвала, – торопливо поддержала я, готовая славить кого угодно, лишь бы покормили.

После ужина нас построили, как в старом кино про пионерский лагерь, и повели в общую спальню. В этой большой комнате с тремя десятками кроватей под пологам одну, в самом углу, выделили мне.

Под строгим взором наставницы всем были розданы из большого встроенного в стену шкафа полотенца и ночные рубашки. Группами по пять человек стали заходить в дверь, находившуюся в противоположном от входа конце комнаты. Так как послушницы выходили оттуда умытыми и переодетыми, даже я догадалась, что там душевая. Дело шло ходко, каждый отряд укладывался в минут десять - пятнадцать. Но по закону подлости очередь моей группы была самой последней. Ожидание показалось мне вечностью. Ноги не держали, а присесть на кровать в грязных штанах мне не позволяло воспитание. Но усталость разрешила опуститься прямо на пол и не обращать внимания на стороннее неодобрение.

Бесцеремонный толчок в спину вырвал меня из неглубокой дремы - настала моя очередь. Душевая разительно отличалась от ванной в келье. Практически пустая комната, из мебели - только простые деревянные полки на стенах, куда складывали чистую одежду. Грязная скидывалась в бездонный провал в полу, ведущий, по ощущениям, в ад, а не в прачечную, как можно было предположить. У дальней стены - пять кранов на потолке и отверстия для слива на полу. Валента ухватилась за огромный рычаг возле двери. Встав под кран, я, неосмотрительно задрав голову, с интересом ожидала, когда же польется вода. Оттуда извергнулся поток мыльного раствора, тут же попавшего мне в глаза. Резь стала нестерпимой, я моргала в стремлении избавиться от мыла, одновременно пытаюсь судорожно размазать оное по телу. Вышние силы сжалились, и струи чистой теплой воды позволили промыть очи, а также смыли вместе с пеной всю грязь, накопленную за день.

Жесткое полотенце обдирало кожу, глазам было больно моргать. Подол надетой мной широченной ночной рубашки достигал пола. Вкупе с глухим воротом и длинными рукавами этот наряд остудил бы пыл самого разгоряченного сексуального маньяка.

«Это кто у нас здесь такой проказник? Уж не отец ли Ванхель?» Цыц, охальник.

Под настороженное молчание и косые взгляды я проскользнула в постель и спряталась за опущенным пологом. Узкая, жесткая кровать с бугристым матрасом в который раз за день заставила меня с тоской вспомнить удобную келью. Я долго не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок и вслушиваясь в странную тишину спальни.

Поднимали здесь, как в армии, не хватало только ротного с горящей спичкой. Но аалона Валента блестяще справлялась с этой ролью. Я долго соображала, каким образом оказалась на полу и чего от меня хочет это громко орущее и потрясающее одеялом чудовище в человеческом образе. Оно алкало выгнать меня на пробежку вокруг крепости. К моему прискорбию, ей это удалось. Послушницы, находившиеся там уже с полчаса и получившие дополнительные десять кругов за задержку тренировки, встретили опоздавшую меня хмурыми взглядами.

О своей «горячей любви» к физическим упражнениям я уже говорила. Первая пробежка далась мне ой как нелегко. Одышка замучила, в правом боку пульсировала нудная боль. Но бодрые спины далеко впереди задавали убийственный темп и не позволяли расслабиться. Вскходившее солнце равнодушно наблюдало за происходящим безобразием.

«Сало - сила, спорт - могила», - приговаривал шеф, наглаживая внушительный животик после роскошного банкета. Точно, если пробежка в ближайшее время не закончится, одной

Избранной станет меньше. Аалона Валента геноцида не допустила, свернула к подъемному мосту. Наша группа потянулась в крепость, я заплетающейся трусцой бежала следом.

Сегодня я уже не сидела возле стены, а принимала полноценное участие в тренировке. Чучелом для отработки другими алониями захватов и бросков. Почти все занятие я провела в лежачем положении, трудолюбиво роя носом землю. Девушки жалели убогую и не били меня в полную силу. Чуда, подобного вчерашнему, не произошло, потому досталось мне – мама дорогая! Наставница зверствовала вовсю, время от времени обреченно вздыхая при взгляде на мои конвульсии.

Где моя драгоценная маленькая келья? Неужели мне там было скучно? Ничего подобного, хочу обратно! Буду как миленькая концентрироваться на уютном коврикe в компании матери Астелы.

Солнце упрямо застыло над нашими макушками, и Валента погнала всех к большой бочке, покоящейся на постаменте из деревянных балок. Она обреталась за конюшнями, которые узнавались по характерному запаху и доносившемуся оттуда ржанию. Долой жилеты и айда под большой кран! Мощная струя нагретой на солнце воды окатывала с ног до головы, проникая теплыми влажными пальцами под одежду и в сапоги, даря приятное чувство свежести. Следом каждой из нас выдали по плитке спрессованного мяса с овощами и по кружке воды. Я без сил упала на пятую точку, отгрызая солидный кусок от съестного монолита.

«Пикник на чистом воздухе, здоровая деревенская пища». Ага. На вкус, как настоящие деревенские опилки. Хорошо еще воды дали, а то бы подавилась.

Но, дожевав последний кусок этой безвкусной массы, я поняла, что сил у меня значительно прибавилось.

После сытного обеда «избиение младенцев» продолжилось. К моему глубочайшему удивлению, вечером обнаружилось, что кости все же целы, а травмы на теле совместимы с жизнью. На глаза набегали слезы от усталости и непривычной нагрузки, их приходилось постоянно смахивать и украдкой шмыгать носом. Интересно, как синяки и ссадины сочетаются с моей безупречностью, о которой так пеклась мать-настоятельница?

Все в точности повторилось на другой день и во все последующие. Теперь меня каждое утро безжалостно будили с петухами, а так как я люблю поспать утром подольше, это была с их стороны одна из самых изощренных пыток. Далее следовала бодренькая пробежечка кругов этак десять вокруг замка вместе с такими же несчастными, как и я, а потом тренировки, тренировки и еще раз тренировки.

– Да вставай же, коровища!

Не знаю, что заставило меня проснуться – разъяренный шепот или болезненный тычок под ребра.

– От коровищи слышу! – С третьей попытки мне удалось освободить рот от закрывавшей его чужой руки.

– Тебя разбудить – некромансер быстрее мертвяка поднимет!

Я недоуменно огляделась. Комната, погруженная в расслабленную тьму, сладко спала. Плотно

задернутые пологи, слаженный хор неглубокого дыхания. Кто-то из нас, очевидно, сошел с ума.

- Лэнар, ты сдурела?!

- Ш-ш-ш... Одевайся быстрее!

Она кинула на постель одежду. Опыт мгновенного выскальзывания из ночной рубашки и ныряния в форму, выработавшийся под воздействием грозно сведенных бровей и ядовитых замечаний аалоны Валенты, благотворно сказался на скорости одевания.

- Обувь не забудь.

Дверь беззвучно выпустила нас в коридор. Портянка, заматываемая на ходу, отказывалась влезать в сапог.

- Куда мы?

- Увидишь, - отрезала Лэнар, прибавляя шагу.

Сапог наконец-то занял полагающееся ему место, позволяя мне догнать подругу. Лэнар легко перемахнула через подоконник, изящно загасив инерцию кувырком. Я с грацией мешка картошки выпала из окна следом за ней.

Хозяйственный двор мирно безмолвствовал. Темные силуэты предметов, привычных в светлое время суток, рождали зловещие ассоциации. Справа, на месте укрытого стога сена с небрежно прислоненной рогатиной, угрожающе нависал минотавр. Рассерженно хлопали крыльями сохнувшего белья гарпии.

- Скорей же! - Лэнар рванула меня за руку. - Опоздаем!

Я поддалась прозвучавшей в ее голосе острой необходимости, и мы помчались. Обогнули подсобные пристройки, поднырнули под бочку с водой и уперлись в глухую стену. Лэнар легко взлетела по ней, цепляясь за незаметные выбоины.

- Куда бежим?

- Будет интересно, - уклончиво ответила она, втаскивая кряхтящую меня за шкуру на крышу. - Быстрее!

Мы подтянулись на нависающий балкончик. Лэнар невесть откуда взявшейся проволокой легко справилась с крючком на внутренней стороне двери. Нагромождение мебели во мраке помещения не позволяло достоверно сказать, для чего оно предназначалось. Спутница потянула меня к выходу, знаком призывая к молчанию. Дальнейшее слилось в дикую гонку по коридорам, лестницам, переходам. Вперед. Вверх. Быстрее.

Замерли. Серый ветер крыльев взметнулся вокруг. Ему стало тесно в крошечном помещении, и он выпорхнул наружу, разлетаясь шумными голубями. Стук упавшего люка погасил толстый слой птичьего помета. Стены покрывали фрески, истертые временем, природой и темнотой в неразборчивые пятна.

- Смотри. - Лэнар тихонько развернула меня в сторону зияющего во всю стену оконного проема.

Небо неторопливо светлело, обстоятельно перебирая палитру. Полночно-синий был отвергнут

ради ярко-сиреневого, стремительно выцветающего в нежно-розовый. Показалась рыжая макушка пробуждающегося светила, радостно брызжущего лучами на еще спящий мир. Свет возвращал яркие краски, украденные жадной ночью. Ласковые лучи дотянулись до нашей башенки и преобразили невзрачное помещение. По стенам побежали золотые всполохи, рассыпающиеся разноцветными призрачными бабочками. От их исступленного танца закружилась голова. Хрупкие создания метнулись к окну, сбиваясь в слепящий вихрь, соткавший в проеме женское лицо. Бесконечное сострадание и понимание светилось в глазах женщины. Нежная полуулыбка бережно освобождала душу от застарелых обид, непонимания, усталости. Солнце всплыло над горизонтом, и образ истаял золотистой дымкой, оставив после себя ощущение светлого покоя. Я судорожно вздохнула и обернулась к Лэнар. Слова благодарности застряли в перехваченном слезами горле.

- Я подумала, что тебе необходимо это увидеть. - Лэнар вытирала мне, как маленькой, мокрое от слез лицо припасенным куском ткани. - Утешительница редко балует нас своим явлением. Всегда случайно. Но я тоже не бессмысленно выбрала школу Предсказывающей магии...

На тренировку мы, запыхавшись, успели вовремя. Приподнятое настроение и чувство умиротворения остались со мной до самого вечера. В первый раз за все время я уснула счастливой, глупо, по-детски улыбаясь.

Дни потекли один за другим, похожие друг на друга как близнецы: подъем в несуетную рань, тренировки до изнеможения и молитвы, которых к концу первой недели я уже знала в количестве трех штук, как то: «Хвала Единому Во Гневе», «Хвала Единому За Любовь К Чадам Его» и «Хвала Единому, И Только Ему». Заучить их было несложно, так как повторять приходилось раз пять на дню каждую, а то и больше. Но четкого графика у моления не было. Через несколько дней я заметила, что время молитвы странным образом совпадает с появлением в поле зрения отца Ванхеля. Мы дружно бухались на колени, принимали благочестивый вид и, коснувшись склоненного лба кончиками пальцев правой руки, начинали заунывным речитативом возносить хвалу Единому. Сморщенное лицо святого отца расплывалось в довольной улыбке при виде сего богоугодного зрелища.

С каждым днем время, проведенное мной на тренировках в вертикальном положении, неуклонно увеличивалось. После того как я научилась группироваться и падать правильно, и синяков существенно поубавилось.

Еще на второй день занятий аалона Валента поняла, что техника у меня не просто хромает, а начисто отсутствует, и взялась за мое обучение собственноручно. И собственноручно. Послушницы тренировались отдельно, а наставница с выражением бесконечного терпения на лице мучила меня в сторонке.

Начали с самого простого - с кувырков. Однако то, что в исполнении аалона выглядело просто и изящно, у меня получалось коряво и тяжеловесно. Вместо того чтобы из положения стоя прокатиться последовательно по руке, боку, бедру и бодро вскочить ванькой-встанькой на ноги, я со всего размаху грохнулась спиной, умудрившись еще удариться головой. При попытке повторить процесс в обратном направлении были отбиты все те места, до которых не добрался кувырок вперед.

После обеда, когда аалоне надоело валять мое негибкое тело по площадке, мне в руки дали гладкую деревянную палку, по форме отдаленно напоминающую меч. Научиться правильно ее держать тоже было не самым легким. Даже под руководством наставницы.

- Возьми меч. Умница. - «Дура душой» отчетливо слышалось в этом ласковом слове. - Теперь сделай это с правильной стороны. Обеими руками. Правую придвинь к самой гарде, левую держи на конце рукояти. Гарда - это то кольцо, которое отделяет рукоять от лезвия, а не середина меча, как тебе, видимо, кажется. Руки почти полностью выпрямлены, но расслаблены. Расслаблены, я сказала! Да не сжимай ты его, словно женушка скалку, поджидая неверного муженька! Так, а сейчас поработаем над защитами...

К вечеру я щеголяла симпатичным сине-желтым окрасом ребер, отбитыми до нечувствительности пальцами рук. До коленей и локтей нельзя было дотронуться. По левой скуле растекался фиолетовый кровоподтек.

Тело вспоминало навыки рывками, будто сознание - сцены ночного кошмара. После трех дней индивидуальных тренировок и разученных основных приемов Валента вернула меня в коллектив.

Однако самым лучшим учителем оказалась Ее Величество Боль. Не хочешь получить в печень - уклоняйся, жалко ребер - скручивайся, а дороги зубы - закрывайся. Будь текучей как ртуть - пропускай удары мимо себя, сбрасывай удар по лезвию, не позволяя причинить урон истерзанному тренировками телу.

Поначалу страшно хотелось взбунтоваться, на все наплевать и закатить образцово-показательную истерику. Однако какой-то внутренний предохранитель не давал это сделать. Через силу, но я выполняла все, что от меня требовала неумолимая аалона Валента.

«Все-все?» У-у, достал.

Потом втянулась и даже стала получать удовольствие.

«...» Молчишь? И правильно.

Стало в радость рано вставать, чувствовать вечернюю усталость натренированного тела и ощущать себя частью слаженно работающего механизма, которым был Орден.

Глава 5

Как всякая уважающая себя организация, Орден имел строгую иерархию.

На самой нижней ступеньке находились лонии - послушницы, только пришедшие в монастырь, на них держалась вся грязная работа. Стирка, уборка, готовка, уход за животными - вот далеко не полный список обязанностей. Чтобы стать лонией, девушка должна пройти самый жесткий отбор. Каждые три года, в день святого Конхола, приходившийся где-то на середину лета (точнее определяли на месте), сотни девушек всех сословий Империи приходили к стенам монастыря, чтобы испытать судьбу. Для семьи большая честь иметь в роду алонию. Это означает, что род отмечен благодатью Единого и отныне под защитой Ордена, а также может попросить о любой, в пределах разумного, помощи. Материальная выдается сразу. Такая благодать только на два поколения. Вот и не убывает, а возрастает год от года число соискательниц, идущих в Орден кто добровольно, а кто и по принуждению «добрых» родственников.

На праздничных мероприятиях отбирали около пятидесяти девушек. Однако это не означало, что выбранная получит гордое звание алонии. По истечении трех лет послушниц ждал суровый экзамен на профпригодность. Испытание проходили немногие, редко больше двадцати девушек, в плохой год - десяти. Провалившиеся возвращались домой, а выдержавшие проверку

оставались для обучения в Ордене еще на три года - до следующего отбора. После пятнадцати лет службы, если, конечно, оставалась в живых, алония получала статус алоны. А выживали очень немногие - девушки служили универсальным заградительным заслоном между людьми и «человеколюбивой» нежитью. Алона, претендующая на более высокое звание аалоны, должна подготовиться выдержать экзамен на Мастера Гильдии либо Маршала Храма. За последние десять лет это удалось лишь четверым. Аалона Валента, аалона Ренита, аалона Хилон, аалона Тано являлись верными помощницами правившей железной рукой всем этим большим хозяйством матери-настоятельницы, или, правильнее сказать, алны Астелы.

Женский воинствующий Орден Конхол был единственным в своем роде.

«...И наделил Господь, Имя коему Единый, человека Силами души и тела. И повелел Господь, Имя коему Единый, чадам своим: нет хорошего человеку в обладании обоими Дарами одновременно, ибо соблазн великий греху поддаться скрыт в оном. И разделил Господь, Имя коему Единый, людей на владеющих телесной мощью и мощью духовной обладающих. И стало так. Но сказал Господь, Имя коему Единый: Дщерь, душою чистая, божественного единения достойна будет, жертву принеся огромную...» - этой цитатой из Священного Свитка Единения отец Ванхель начинал каждое занятие религиозного просвещения.

Переводилось на понятный язык это так: мужчины либо маги, либо воины. Лишь девушки сочетали оба этих дара, если вступали в Орден, покинуть который они могли, выйдя замуж. В Уставе оговаривалось, что условие выхода действует лишь до получения дочерью статуса алоны (оно и правильно - кому нужна заматеревшая баба под сорок?) и если будущий муж победит ее в каком-либо виде искусств - воинском или магическом. За всю историю существования Конхола, а это без малого шестьсот лет, таких случаев набралось не больше сотни. И почти половина историй имела трагический финал, так как, становясь женой, алония лишалась всей Силы - и не каждая переживала эту потерю без последствий.

Высоковельможные господа, несмотря на высочайший запрет Императора, постоянно цапались с соседями по поводу и без. А ведь нужно еще защищать вверенное им население от разнообразной нечисти, особенно плодovitой вблизи Разделяющих гор и Великого разлома. Вот и мечтали благородные сеньоры иметь в своем гарнизоне хотя бы небольшой отряд алоний - «Смертоносных Клинков Империи». Вознаграждение Ордену от благодарных властителей оговаривалось более чем щедрое. Девушки того стоили - воины и маги в одном лице, крепких напитков не употребляют, с девками гарнизонными не якшаются. К тому же нет вернее воина, чем алония. Она будет драться до последнего вздоха за того, кому поклялась служить, хотя все равно останется самой преданной дочерью своего Ордена.

Для девушек, желающих развивать свой магический Дар или совершенствоваться в воинском искусстве, вступление в Орден было единственной возможностью, так как ни в Академию при Гильдии магов, ни в Храмовые Школы женщин не принимали. Их ждала участь либо деревенских знахарок, либо монахинь.

И Церковь, и Гильдия магов, в другое время готовые перегрызть друг другу глотки, были на редкость единодушны в отношении Конхола. Ордену поручали самую грязную работу, с которой не могли справиться сами. Алне приходилось балансировать подобно акробату, выступающему без страховки под куполом цирка, стараясь угодить и тем и другим. Поэтому, где и кому служить, она решала, руководствуясь не столько откровениями Единого, сколько политическими соображениями и намерением остаться в религиозной и магической иерархии Империи. Предпочтение отдавалось тем высокородным семьям, которые уже имели в тупиковых ветвях своего генеалогического древа алоний, причем не одну и не две, а много больше. И, надо признать, систему продумали толково, рекламную кампанию провели по всем

правилам, Орден регулярно обеспечивался свежими чернорабочими. Добрая молва о Конхале неслась по всей Империи, и вряд ли поток послушниц когда-нибудь иссякнет.

Мой статус Избранной держался в строжайшем секрете, ална убедительно попросила не разглашать эти сведения. «Для твоей же безопасности!» – загадочно намекнула она. Для моего безболезненного появления в рядах алоний цвет Ордена подготовил солидную легенду. Послушница Лия привезена герцогиней Рианской из монастыря святой мученицы Малрены, что в самой глухой провинции (предположительно Твианы), проявила все задатки алонии для пробного обучения. Вдруг что выйдет, а то возраст, страшно сказать, двадцать два года.

«Легенда-то слабовата». Любимая присказка в Ордене гласит: «С алной не спорят». По крайней мере, расспрашивать меня никто не пытался...

Несмотря на все ограничения, жили очень даже весело. Гуртожиком. Общежитием то есть. Я уже не засыпала сразу после вечернего умывания, а внимательно смотрела и привыкала к новой жизни. Такое разнообразие женских лиц в одной комнате зачаровывало. Здесь была представлена почти вся многоликая Империя Тилан. Сереброволосая Ания – дочь неприветливого ледяного Новера. Смуглая, с жесткими курчавыми волосами Тала из знойной Джерии. Узкоглазая Дила с блестящей черной косицей до колен – прирожденная наездница из пыльных степей Дарстана. Признанная красавица Кенара, обладательница фиолетово-сиреневых глаз вполлица, из Тении, славящейся своими нежными красавицами и тканью шеру (за тем и за другим в центральную провинцию приезжали со всей Империи). И другие, менее экзотические девушки – общим числом тринадцать.

Личность первого Императора вызывала неподдельное восхищение. Нужно быть действительно великим человеком, чтобы объединить столь разные народы. И превратить их в монолит Империи одной религией, одним богом. Произошло нечто грандиозное, не иначе пришествие самого Единого, и на спецэффекты, вероятно, не поспешили. Хорошо бы покопаться в книгах – спрашивать у сестер не рекомендовалось. Несмотря на рассказанную сказочку, некоторая настороженность в отношении меня все-таки чувствовалась. Оно и понятно: девушки живут вместе уже больше трех лет, а тут я, даже и дня не побыв лонией, – сразу в алонии. Бывает, не знаю элементарных вещей.

«Да, в теологические споры тебе пускаться еще рано». И я о том же.

Адаптационный период не затянулся. Неделя – и все потихоньку улеглось, жизнь пошла по наезженной колее. Успешный набег на кухню, который я случайно организовала, стал моим посвящением в тесный круг дочерей Ордена.

Вечер начинался вполне безобидно. Некоторые из нас, отгородившись пологими, видели уже второй сон, но большинство разбились на кружки по интересам, коим предавались на кроватях зачинщиц. Мы с Лэнар азартно резались в местный аналог игры «Козел», которая здесь тактично называлась «Скупой муж», записывая набранные очки мелком на спинке моей кровати. Причитания богобоязненной послушницы Сеш, истово молившейся согласно ритуалу в северном углу, приятно разнообразили безмятежность спальни.

– Нет ничего лучше сальгрийского кольчужного масла, – сказала сидевшая на соседней постели огненно-рыжая Ранель, уроженка Сальгрии, любовно натирая свою кольчугу.

Еще месяц – и тренировки с деревянными мечами подойдут к концу, нам в руки дадут настоящие. Мне и с деревом пока не удавалось управиться, а уж про колюще-режущее оружие я боялась подумать. Но пусть уж сразу прирежут: для новых миленьких синяков и

очаровательных шишек, оставляемых на теле гладким деревянным мечом из белого дуба, уже не осталось места.

Ранель была страстной патриоткой и признанным авторитетом в данном вопросе. Мучительно размышляя, какая последняя карта осталась у Лэнар и соответственно какую масть попросить, пожертвовав темной принцессой, я, не подумавши, ляпнула:

- Каждый кулик хвалит свое болото.

Боже, что тут началось! Тогда меня еще никто не поставил в известность, что характер у Ранель под стать ее волосам, такой же огненный, мгновенно вспыхивающий. Остальные, прекрасно осведомленные об особенностях нрава сальгрийки, старались ее не задевать, одна я по дуруости подставилась. Помянуты были все мои родственники вплоть до пятнадцатого колена. Недвусмысленно высказаны сомнения по поводу способности моей семьи воспитать достойную дочь. Потому как она не научила меня уважать то, чем славны другие провинции, раз уж своя ничем похвастаться не может.

Вот вляпалась.

«Голова человеку дана, чтобы думать, а не только чтобы шапку носить». Согласна. Но родителей за что трогать?!

- Да ладно, - неосмотрительно бросила я. - Твое кольчужное масло гораздо хуже средства, которым алона Горана заставляет лоний натирать котлы.

Кто меня за язык дергал?

Казалось, у Ранель сейчас пар из ушей повалит, а волосы и правда задымятся.

- Неужели? - сквозь зубы процедила сальгрийка. - И ты готова это продемонстрировать?

- Почему бы и нет? - смело согласилась я, ведь отступить было некуда. - Сейчас, только на кухню сбегаю.

Сказала я это в надежде, что меня остановят. Наивная.

На комнату опустилась выжидающая тишина, примолкла даже Сеш. Все взгляды устремились к моей скромной персоне.

Вот уж язык мой - враг мой. Вход на кухню, где заправляла гроза всех лоний алона Горана, после наступления «комендантского» часа был строжайше воспрещен. Да и прогулки по замку в это время тоже не приветствовались. Застигнутая на месте преступления питалась в воспитательных целях всю следующую неделю черствым хлебом с отнюдь не родниковой водой, а ночевала в отвратительно холодной подвальной келье. Удовольствие на любителя. Самое интересное состояло в том, что о местонахождении кухни я имела смутное представление и в чудодейственности упомянутого средства вовсе не была уверена. Но если сейчас не пойти, авторитет будет подорван окончательно.

«О чем беспокоишься? Его у тебя здесь и не было». Значит, пора обзаводиться!

Бросив карты на одеяло, чтобы они не выдали предательское дрожание рук, я медленно поднялась. В попытке потянуть время с проворством старого паралитика надела поверх ночной сорочки темный плащ. Меня никто не остановил, но неожиданно подоспела помощь.

- Подожди, Лия. - Лэнар встала следом за мной. - Прогуляюсь с тобой, а то проголодалась что-то...

Рассвет, встреченный вместе, и явление Утешительницы нас очень сблизили. Она была единственной, кто не сторонился меня и не смеялся, если я задавала глупые, с ее точки зрения, вопросы. К тому же Лэнар - бездонный кладезь информации.

Мой моральный дух поднялся до недостижимых высот, поэтому, выходя, я небрежно уронила:

- Ладно, девочки, может быть, захватим и вам чего-нибудь вкусенького. При случае.

Провожало нас разъяренное шипение Ранель.

Тихонько прикрыв дверь, мы со всей осторожностью начали прокрадываться на кухню. Каменный пол тревожно холодил босые ноги. Светлые лунные кляксы окон освещали с тщательной осмотрительностью выбираемый путь. Гулкая тишина разбавлялась оглушающим биением наших сердец. Шепот развевающихся плащей зловеще разносился по пустым коридорам. Мы без приключений прошли практически весь путь. Оставалось только пересечь обеденную залу, когда нам повстречалось непреодолимое препятствие в лице аалоны Валенты. Она безуспешно старалась поправить занавес, отделяющий залу от общего коридора. Золотой витой шнур, поддерживающий портьеру, предательски соскальзывал, норовя тяжелой кистью огреть наставницу по голове. С ее губ срывались слова, подходящие грубому солдафону, а никак не почтенной аалоне. Но это было еще полбеды. По коридору неслись звуки голосов и нестройного топота алон, возвращающихся с полуночного моления. Я живо представила, как сейчас нас обнаружат, - позора на весь монастырь, кошмарная неделя и насмешки потом на всю жизнь. Мало того что сама подставилась, так еще Лэнар втянула. Возможно, меня и не накажут, Избранная как-никак, а ей достанется по полной программе. Лицо подруги неестественно побледнело, а потом и позеленело, она так крепко сжала зубы, что заострились скулы, неразличимые на ее круглом лице в другое время.

Под безысходным взглядом Лэнар мне захотелось стать маленькой, незаметной, подобно хамелеону слиться с окружающей обстановкой и переждать в таком состоянии пару столетий. Дыхание замедлилось, сердце стучало все реже и реже. Мироощущение претерпевало разительные перемены. Беспросветное отчаяние плавно перетекало в равнодушную собранность. Полная растерянность сменилась непререкаемой четкостью - время замедлило свой ход, мысли шли, как дисциплинированные солдаты, в нужную сторону.

Левая рука судорожно вцепилась в плечо Лэнар. Правая потянулась к солнечному сплетению, безошибочно находя точку сосредоточения. Силу не нужно где-то выискивать - я сама была ею. Сосудом, наполненным чистой, незамутненной магией. Концентрация энергии в одном месте, где она достигала критического предела, перейдя который я могла сотворить чудо, далась мне так же естественно, как дыхание. Собранная магия устремилась в правую руку, чтобы переродиться в руну Невидимости. Не задумываясь, я плела вязь, заключая нас в кокон, словно паук набрасывая петлями вытянутую в нити Силу. Голосом заклинание далось бы гораздо легче, но нас не должны были услышать. Не дыша, мы прошли мимо все еще борющейся с неподдающимся шнуром аалоны, которая даже не повернулась в нашу сторону. Почти сразу за нашими спинами послышались голоса алон, приветствующих Валенту, и посыпавшиеся советы вперемешку с предложениями помощи.

Странное состояние покинуло меня, когда мы достигли вождеденной кухни. Как-то сразу оказалось, что сердце бьется где-то в левой пятке, а ладони повлажнели и противно дрожат.

- Эй, а ты не говорила, что у вашего монастыря лицензия на заклятие Невидимости, да еще в Рунной магии. Потрясает. - Лэнар аж присвистнула. - Хотя, на мой взгляд, заклинание Разрыва, которое выбили в Гильдии сестры Тонара, в долгом паломничестве все же понадежнее будет.

- Ну-у... - промямлила я, - как ты догадалась?

- Я же не из норы волкодлака вылезла! Как-никак мой родной город Марон - столица нашей провинции.

Неопределенное пожатие плечами было ей ответом. Зачем человека переубеждать, если он свято уверен в своей правоте? Так и расстроиться недолго.

Угрюмо-темное помещение кухни заставили всевозможной мебелью. Шкафы выростали до самого потолка, который находился почти в четырех метрах от пола. Для лоний-альпинисток заранее заготовили инвентарь в виде передвижных лестниц. Огромные печи даже в нерабочем состоянии выглядели устрашающе. Чудовищные ножи, воткнутые в разделочные доски, вызывали содрогание.

- Откуда бы начать поиски? - Я тоскливо взирала на бесчисленные ряды шкафчиков. - Тут нескончаемое количество всяких полок и ящиков, а я даже не знаю, как это чудо-средство выглядит...

Лэнар сложило пополам от смеха. Она медленно сползала по шкафу, не в состоянии устоять на ногах. После стольких усилий испортить все громким смехом!

- Да тихо ты! - рассерженно шикнула я. - Весь Орден перебудешь.

- Поспорила с Ранель, а сама даже не знаешь, как это выглядит, - едва успокоившись, проговорила она.

- Ну не знаю, что теперь. В книжке прочтала. Между прочим, труд святого отца Лода, - обиделась я.

Лэнар прошла к третьему шкафу и из правого верхнего ящика с видом фокусника достала искомый продукт. Взглянув на мои выпученные глаза и отвисшую челюсть, обронила:

- Три года лонией. Перечищенных котлов не сосчитать.

«Тяжелый случай, и не лечится. Диагноз: голову нужно ампутировать, чтобы больной не мучился». Ладно, на правду не обижаются.

Набрав полные подолы крепких, душистых яблок, хранившихся в плетеных корзинах, мы стали пробираться назад. Обратный путь был на изумление чист. Хотя ничего удивительного. Все добропорядочные лонии и алоны уже спали: завтра предстоял трудный рабочий день. Только девчонки, взбаламученные мной, не смыкали глаз. Нас встретили одобрительными возгласами. Яблоки пришлись кстати. Все ели да нахваливали и как-то совсем подзабыли о цели нашего с Лэнар похода на кухню. Одна Ранель сидела обиженной неясностью в углу, и я поняла, что данный конфликт нужно душить в зародыше. Поэтому подошла к ней и протянула припрятанное для себя, а потому самое красивое и большое яблоко, радующее глаз ярко-красным боком.

Конец ознакомительного фрагмента. Полный текст доступен на www.litres.ru

[Купить полную версию книги](#)

mir-knigi.org